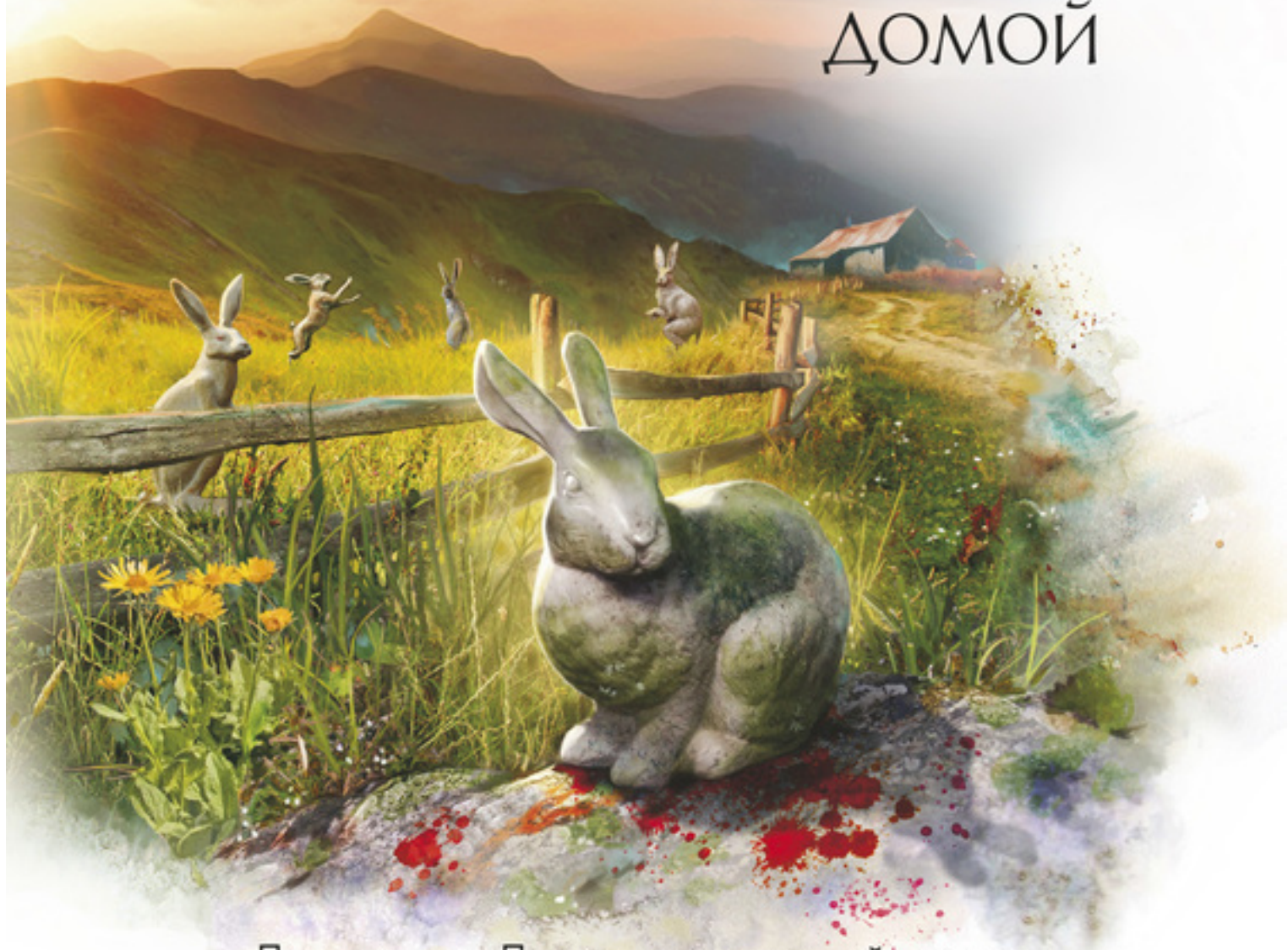

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Долгий путь
домой

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Долгий путь домой

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Долгий путь домой / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2014 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13061-6

После тяжелого ранения старший инспектор Арман Гамаш выходит в отставку и переезжает жить в деревню Три Сосны. Тихая размеренная жизнь, в которой нет места преступлениям и убийствам, вполне его устраивает. Однако и здесь ему не дают покоя. Соседка обращается к нему с просьбой разыскать ее мужа, художника Питера Морроу. Он уехал, чтобы разобраться в себе и своем творчестве, но обещал вернуться ровно через год. Прошли все сроки, а от Питера нет никаких известий. Призвав на помощь своего верного помощника Бовуара, Гамаш начинает новое расследование. Ему удастся выяснить, что Питер успел объездить всю Европу, побывать в самых невероятных местах, но цель этих перемещений остается непонятной. Известно лишь, что за это время им написано несколько очень странных картин. Затем беглец вернулся в Канаду, и его следы затерялись в квебекской глуши. Жив ли он? А если нет, то не стал ли жертвой преступления? Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-13061-6

© Пенни Л., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	27
Глава шестая	32
Глава седьмая	38
Глава восьмая	43
Глава девятая	48
Глава десятая	52
Глава одиннадцатая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Луиза Пенни

Долгий путь домой

Louise Penny
THE LONG WAY HOME
Copyright © 2014 by Three Pines Creations, Inc.
All rights reserved

© Г. Крылов, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Майклу, удивленному радостью

Глава первая

Приближаясь к нему, Клара Морроу спрашивала себя, повторит ли он тот маленький ритуал, который проделывал каждое утро.

Ритуал столь незначительный, столь ничтожный. Его так легко было не заметить. В первый раз.

Но почему Арман Гамаш повторял его?

Клара чувствовала себя идиоткой уже потому, что думала об этом. О чем тут вообще можно думать? Однако она знала Гамаша как человека, не склонного к таинственности, и его жест казался ей не просто малозаметным, а намеренно скрытым. Некое благое деяние, прячущееся в тень.

И при этом Арман Гамаш сидел в ярком свете нового дня на скамье, недавно сделанной Жилем Сандоном и установленной на хребте холма. Перед взором инспектора тянулись поросшие густым лесом горы, перекатывавшиеся из Квебека в Вермонт. Между горами петляла речушка Белла-Белла – серебряная ниточка в солнечных лучах.

А в долине раскинулась такая неприметная рядом с этим величием, скромная деревенька Три Сосны.

Арман не отворачивался от этого зрелища, но и не наслаждался им. Каждое утро этот крупный человек садился на деревянную скамью и склонялся над книгой. Читал.

Подойдя ближе, Клара Морроу увидела, как Гамаш сделал это снова. Он снял свои полукруглые очки, закрыл книгу и сунул в карман. Закладка, что торчала между страницами, всегда оставалась на одном месте, почти в конце книги. На месте, к которому он приближался, но так и не мог добраться.

Арман не захлопывал книгу. Он позволял ей закрыться под силой тяжести. И насколько могла судить Клара, никак не отмечал место, где остановился. Ни старым рецептом, ни железнодорожным или авиабилетом. Будто это не имело значения. Каждое утро он начинал сначала. Подбирался к закладке все ближе и ближе, но всегда останавливался прежде, чем доходил до этой страницы.

И каждое утро Арман Гамаш засовывал тоненькую книжицу в карман легкой летней куртки, прежде чем Клара успевала прочесть название.

У нее появился бзик на почве книжки Гамаша. И его поведения.

Она даже спросила у него про эту книжку – примерно неделю назад, когда впервые под села к нему на скамью, с которой открывался вид на старую деревню: «Хорошая книга?»

«Oui»¹, – сказал Арман Гамаш и улыбнулся, смягчая свой грубоватый ответ. Немного смягчая.

Это было все равно что получить легкий толчок от человека, который редко отваживал людей.

Нет, подумала Клара, глядя на его профиль. Он не оттолкнул ее. Напротив, позволил остаться, но сам отступил на шаг. От нее. От ее вопроса. Взял свою затрепанную книжицу и отступил.

Его послание было ясным. И Клара его поняла. Хотя это не означало, что она должна подчиниться.

Арман Гамаш окинул взглядом летний лес с его сочной зеленью и горы, катившиеся в бесконечность. Потом опустил глаза на деревню в долине, словно поставленную на ладонь древней руки. Стигмат на квебекских просторах. Но не рана, а чудо.

¹ Да (фр.).

Каждое утро он отправлялся на прогулку со своей женой Рейн-Мари и немецкой овчаркой Анри. Гамаш швырял вперед теннисный мячик, но искать его в конечном счете приходилось либо самому Гамашу, либо Рейн-Мари, потому что Анри отвлекался то на падающий листик, то на мошку, то на голоса у него в голове. Пес кидался за мячиком, потом вдруг останавливался и смотрел куда-то в пространство, двигая гигантскими, похожими на спутниковые тарелки ушами. Будто настраивался на чье-то послание. Без напряжения, но с недоумением. Гамаш знал, что так же ведут себя люди, когда в порывах ветра улавливают любимую мелодию. Или знакомый голос, доносящийся издалека.

Наклонив голову, Анри прислушивался с глуповатым выражением на морде, пока Арман и Рейн-Мари выполняли команду «апорт».

Тихо сидя на августовском солнышке, Гамаш думал о том, что в этом мире все в порядке. Наконец-то.

Вот только у Клары, каждое утро подсаживающейся к нему на скамью, что-то неладно.

Может быть, она замечает, как он в одиночестве поднимается сюда после ухода Рейн-Мари и Анри, и думает, что ему тоскливо одному? Хочет составить ему компанию?

Нет, вряд ли. Клара Морроу, ставшая им очень близким другом, знала Гамаша слишком хорошо, чтобы руководствоваться такими соображениями.

Нет. Она приходила сюда по каким-то своим причинам.

Любопытство Гамаша с каждым днем росло. И он почти убедил себя, что оно не имеет ничего общего со старушечьей манерой совать нос в чужие дела.

Всю свою профессиональную жизнь старший инспектор Гамаш задавал вопросы и искал ответы. И не просто ответы, а факты. Но гораздо более неуловимыми и опасными, чем факты, было то, что он искал на самом деле, – чувства. Потому что именно чувства направляли его к истине.

И если кого-то истина могла сделать свободным, то тех людей, которыми занимался Гамаш, она приводила в тюрьму. Иногда на всю жизнь.

Арман Гамаш считал себя скорее исследователем, чем охотником. Его задачей было проникнуть в суть дела. И то, что он обнаруживал, до сих пор приводило его в изумление.

Как часто он допрашивал убийц, рассчитывая встретить каменное сердце и прогнившую душу, а вместо этого находил заблудшую добродетель.

Он, конечно, все равно арестовывал их. Но готов был согласиться с сестрой Приджин² в том, что ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния.

Арман Гамаш повидал в своей жизни немало плохого. Однако он видел и много хорошего. Причем зачастую в одном и том же человеке.

Он закрыл глаза и подставил лицо нежаркому утреннему солнцу. Те дни для него закончились. Теперь он сам себе хозяин. Можно отдохнуть и подумать о собственной душе.

Искать больше не нужно. Он нашел то, что искал, здесь, в Трех Соснах.

Ощувив присутствие Клары, Гамаш открыл глаза, но не повернулся к ней, а продолжил наблюдать за просыпающейся внизу маленькой деревней. Он увидел, как его друзья и новые соседи выходят из дома в свои ухоженные садики или идут через деревенский луг в бистро, чтобы позавтракать. Он увидел, как Сара открыла пекарню. Она начала работать еще до рассвета – пекла багеты, круассаны, *chocolatine*³, а теперь пришло время продавать их. Сара остановилась, вытирая руки о передник, и поздоровалась с месье Беливо, который тоже открывал свой магазин. Уже несколько недель Арман Гамаш каждое утро сидел на этой скамье и наблюдал, как те же самые люди совершают те же самые действия. Деревня жила в ритме музыкаль-

² Сестра Хелен Приджин (р. 1939) – католическая монахиня, известная своими выступлениями за отмену смертной казни.

³ Пирожки с кремом и шоколадом, квебекское лакомство.

ной пьесы. Возможно, именно это и слышал Анри. Музыку Трех Сосен. Своеобразный напев, гимн, успокаивающий ритуал.

Жизнь старшего инспектора никогда не подчинялась какому-либо ритму. Каждый день был непредсказуемым, и Гамаша это вполне устраивало. Он считал, что такая жизнь отвечает его натуре. Он никогда не знал рутины. До последних месяцев.

У него были определенные опасения насчет того, что эта благодатная рутина может деградировать до банальности и превратиться в скуку. Но пока жизнь шла в другом направлении.

Повторы действовали на него благотворно. Чем крепче он становился, тем больше ценил заведенный распорядок дня, который не ограничивал его, не сажал в клетку, а, наоборот, освобождал.

Хаос выпустил на волю разные неприятные истины. Чтобы во всем разобраться, требовался покой. Сидя в этом тихом месте на ярком солнышке, Арман Гамаш наконец-то мог пристально изучить все, что упало на землю. Как недавно упал он сам.

Он ощутил у себя в кармане малый вес и объем книги.

Внизу, в деревне, Рут Зардо вышла, прихрамывая, из своего убогого дома в сопровождении утки Розы. Старуха осмотрелась и повернулась к грунтовой пыльной дороге, ведущей из деревни. Гамаш видел, как Рут переводит взгляд своих старых глаз стального оттенка все выше и выше. Наконец их глаза встретились.

Рут приветственно вскинула руку с выступающими венами. И, словно подняв флаг деревни, выставила недрогнувший средний палец.

Гамаш чуть поклонился, давая понять, что видит ее жест.

В этом мире все было в порядке.

Кроме...

Он посмотрел на растрепанную женщину, сидящую рядом с ним.

Почему Клара пришла сюда?

Клара отвернулась. Она не могла взглянуть ему в глаза, зная о том, что собирается сделать.

Она хотела сначала поговорить с Мирной. Спросить у нее совета. Но потом поняла, что это было бы попыткой переложить на другого ответственность за собственный поступок.

Впрочем, скорее уж она боялась, что Мирна ее остановит. Посоветует не делать того, что она задумала. Скажет, что это несправедливо и даже жестоко.

Клара и сама это знала. Потому-то и собиралась так долго.

Каждый день она приходила сюда с четким намерением сказать кое-что Арману. И каждый день дрейфила. Или, что более вероятно, лучшие ангелы ее души натягивали вожжи и удерживали ее. Пытались остановить.

И это срабатывало. Пока.

Каждый день она болтала с ним о пустяках, а потом уходила, исполненная решимости не являться сюда завтра. Она давала обещание себе, всем святым и ангелам, всем богам и богиням, что больше не вернется сюда.

Однако на следующее утро то ли волшебство, то ли чудо, то ли проклятие приводило ее на эту жесткую кленовую скамейку. И Клара снова смотрела на Армана Гамаша. Любопытствовала, что за тонкая книжица у него в кармане. Глядела в его задумчивые темно-карие глаза.

Он набрал вес, и слава богу. Значит, Три Сосны делали свое дело. Он здесь исцелялся. Гамаш был высок, и ему требовалась более крепкая оболочка. Не тучная, но прочная. Он теперь меньше хромал, и его походка приобрела живость. Лицо утратило серый оттенок, зато волнистые каштановые волосы почти совсем поседели. Клара подозревала, что к своим шестидесяти годам – а до этого оставалось всего ничего – он станет совсем седым.

Возраст оставил следы на его лице. Следы забот, тревог, волнений. И боли. Но самые глубокие морщины оставил смех. Вокруг глаз и рта. Радость проникла глубже всего.

Старший инспектор Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

И просто Арман. Ее друг. Тот, кто переехал сюда, чтобы уйти от прежней жизни, от всех этих смертей. Не прятаться от скорбей, но перестать копить их. И в этом тихом месте изучить то бремя, что давит плечи. А затем начать избавляться от него.

Как сделали все они.

Клара встала со скамьи.

Это было выше ее сил. Она не могла переложить свой груз на плечи этого человека. Ему хватало своей ноши. А она должна нести свою.

– Сегодня обедаем вместе? – спросила она. – Рейн-Мари нас приглашала. Может, даже в бридж сыграем.

Игра в бридж всегда планировалась, но дело до нее доходило редко. Они предпочитали молчать или тихо беседовать в саду за домом Гамаша, пока Мирна ходила между растениями, объясняла, какие из них сорняки, а какие – многолетники, возрождающиеся из года в год. Долгожители. И какие цветы – однолетники, которым предназначено умереть после великолепия короткой жизни.

Гамаш поднялся на ноги, и Клара снова увидела вырезанные на спинке скамьи слова. Их не было, когда Жиль Сандон устанавливал ее. Жиль клялся и божился, что он их не вырезал. Надпись появилась сама собой, как граффити, и никто не признавался в авторстве.

Арман протянул руку. Поначалу Клара подумала, что он хочет попрощаться. На удивление официальный, завершающий жест. Потом она заметила, что Гамаш держит руку ладонью вверх.

Он ждал, что она положит свою руку в его.

Она так и сделала. Почувствовала, как мягко сомкнулись его пальцы. Посмотрела ему в глаза.

– Почему вы здесь, Клара?

Она неожиданно села и снова ощутила под собой твердое дерево скамьи, которое не столько поддерживало ее, сколько не давало упасть.

Глава вторая

– Как вы думаете, о чем они говорят?

Оливье поставил перед Рейн-Мари ее заказ: французские тосты со свежими ягодами и кленовым сиропом.

– Я бы предположила, что об астрофизике, – ответила она, глядя в его красивое лицо. – А может, о Ницше.

Оливье проследил за ее взглядом, направленным в сводчатое окно.

– Вы ведь поняли, что я спрашивал о Рут и ее утке? – сказал он.

– И я о них же, mon beau⁴.

Оливье рассмеялся и пошел обслуживать других клиентов бистро.

Рейн-Мари Гамаш сидела на своем привычном месте. Она вовсе не собиралась делать это место привычным, но так уж получилось. В первые несколько недель после переезда в Три Сосны они с Арманом садились на разные места за разными столиками. И каждое место, каждый столик действительно были разными. Не просто по своему местоположению в старом бистро, но и по стилю мебели. Вся мебель была старинная, вся выставлена на продажу, о чем сообщали прикрепленные к ней ценники. Что-то было изготовлено из старой квебекской сосны, что-то принадлежало к Эдвардианской эпохе – набивные кресла с высокими «ушастыми» спинками. Тут даже можно было увидеть набор современных изделий середины двадцатого века. Изящная и удобная мебель из тикового дерева. Все это собрал Оливье и скрепя сердце терпел его партнер Габри. Терпел, пока Оливье держал свои находки в бистро и не вмешивался в управление и обстановку их маленькой гостиницы.

Оливье был стройным и аккуратным, сознательно одевался практично и удобно. Каждый предмет его гардероба должен был поддерживать его образ непринужденного, любезного и в меру благополучного хозяина. У Оливье все было в меру. Кроме Габри.

Рейн-Мари казалось странным, что, невзирая на приверженность к строгому, элегантному стилю, Оливье превратил свое бистро в пестрый образчик эклектики. Однако его завешивание вовсе не производило впечатления загроможденного и не вызывало приступа клаустрофобии. Вы приходили туда как в дом поездившей по свету эксцентричной тетушки. Или дядюшки. Человека, который знал условности, но сознательно их нарушал.

В обоих концах длинного светлого зала располагались большие каменные каминные поленья, уложенные в них, в теплую летнюю погоду ждали осеннего похолодания, а зимой потрескивали, и язычки пламени весело плясали, прогоняя темноту и трескучий мороз. Даже сегодня Рейн-Мари ощущала в воздухе слабый привкус дыма, витавшего здесь подобно то ли призраку, то ли ангелу-хранителю.

Эркеры окна выходили на дома Трех Сосен, на сады с цветущими розами, лилейниками, клематисами и другими растениями, о которых Рейн-Мари только-только начинала узнавать. Дома стояли вокруг деревенского луга, в центре которого росли три сосны, возвышавшиеся над поселением. Три высоченных шпиля, давшие название деревне. Не какие-то обычные деревья – их посадили более двух столетий назад, чтобы люди, бежавшие от войны, сразу видели: здесь можно остановиться.

Здесь безопасно. Здесь вы найдете убежище.

Трудно было сказать, дома ли защищают деревья, или наоборот.

Прихлебывая кофе с молоком, Рейн-Мари Гамаш наблюдала за Рут и Розой, которые о чем-то болтали на скамейке в тени трех сосен. Они говорили на одном языке – безумная старая

⁴ Мой красавец (*фр.*).

поэтесса и гуляющая вперевалочку утка. И обе, похоже, знали одну-единственную фразу: «Фак, фак, фак».

«Мы любим жизнь, – подумала Рейн-Мари, глядя на Рут и Розу, сидящих рядышком, – не потому, что мы привыкли жить, а потому, что привыкли любить».

Ницше. Как бы посмеялся над ней Арман, если бы узнал, что она цитирует Ницше, пусть даже про себя!

«Сколько раз ты поддразнивала меня, когда я цитировал кого-нибудь?» – рассмеялся бы он.

«Ни разу, дорогой. Что там говорила Эмили Дикинсон о поддразнивании?»

Он посмотрел бы на нее строго, а потом выдал бы какую-нибудь абракадабру, приписав ее Дикинсон, или Прусту, или Фреду Флинстону⁵.

«Мы привыкли любить».

Наконец-то они были вместе и в безопасности. Под защитой сосен.

Взгляд Рейн-Мари неизбежно поднялся к вершине холма, к скамье, на которой тихо сидели Арман и Клара. Молча.

– Как по-вашему, о чем они молчат? – спросила Мирна.

Эта крупная чернокожая женщина удобно устроилась в старинном кресле напротив Рейн-Мари. Она пришла со своей кружкой чая из книжного магазина, расположенного за стеной, и заказала мюсли и свежавыжатый апельсиновый сок.

– Арман и Клара или Рут и Роза? – спросила Рейн-Мари.

– Ну, о чем говорят Рут и Роза, мы знаем, – заметила Мирна.

– Фак, фак, фак, – в один голос проговорили женщины и рассмеялись.

Рейн-Мари отрезала кусочек тоста и снова посмотрела на вершину холма:

– Она подсаживается к нему каждое утро. Арман тоже в недоумении.

– Вы не думаете, что она пытается его соблазнить? – спросила Мирна.

Рейн-Мари покачала головой:

– Если бы собиралась, то прихватила бы с собой багет.

– И сыр. Хороший кусочек созревшего *Tentation de Laurier*⁶. Такого жирного, со слезой...

– А вы не покупали у месье Беливо новый сыр *Le Chevre des Neiges*?⁷ – спросила Рейн-Мари, сразу же забыв о муже.

– Боже, – простонала Мирна, – у него вкус цветов и свежей булочки. Прекратите. Вы что, пытаетесь меня соблазнить?

– Я? Вы первая начали.

Оливье поставил перед Мирной стакан сока и тосты.

– Мне опять придется поливать вас водой из шланга? – поинтересовался он.

– *Désolé*⁸, Оливье, – сказала Рейн-Мари. – Это моя вина. Мы говорили о сырах.

– В приличном обществе? Отвратительно, – поморщился Оливье. – Наверняка о фотографии сыра бри на багете, из-за которой Роберт Мэпплторп⁹ попал под запрет.

– На багете? – переспросила Мирна.

– Это объясняет пристрастие Габри к пище, богатой углеводами, – заметила Рейн-Мари.

– И мое пристрастие к такой пище, – добавила Мирна.

– Сейчас вернусь со шлангом, – предупредил Оливье, уходя. – И не рассчитывайте, что это эвфемизм.

⁵ *Фред Флинстон* – персонаж мультипликационного фильма «Флинстоны».

⁶ Название канадского сыра с нежной корочкой, сделанного из свежих сливок.

⁷ Сорт мягкого сыра, сделанного из смеси коровьего и козьего молока с добавлением инжира и апельсинов.

⁸ Прошу прощения (*фр.*).

⁹ *Роберт Мэпплторп* (1946–1989) – американский фотограф, известный, в частности, эротическими фотографиями цветов.

Мирна намазала на толстый тост тающее масло и джем и вонзила в него зубы. Рейн-Мари тем временем отхлебнула кофе.

– Так о чем мы говорили? – спросила Мирна.

– О сырах.

– А до этого?

– О них. – Рейн-Мари кивнула в сторону мужа и Клары, молча сидевших на скамье над деревней.

Мирне было любопытно, о чем молчит эта парочка. Рейн-Мари тоже каждый день спрашивала себя об этом.

Скамейку придумала она. Маленький дар Трем Соснам. Она попросила Жилия Сандона, столяра-краснодеревщика, сделать скамейку и установить ее на том месте. Несколько недель спустя на ней появилась надпись. Вырезанная глубоко, изящно, аккуратно.

«Это ты сделал, mon coeur?»¹⁰ – спросила Рейн-Мари у Армана во время утренней прогулки, когда они остановились, увидев надпись.

«Non»¹¹, – озадаченно ответил он. – Я думал, это ты попросила Жилия вырезать».

Они задавали этот вопрос многим: Кларе, Мирне, Оливье, Габри, Билли Уильямсу, Жилу. Даже Рут. Никто не знал, кто вырезал слова на скамье.

Каждый день во время прогулки они с Арманом проходили мимо этой маленькой загадки. Мимо здания старой школы, где Армана чуть не убили. Мимо леса, где убил Арман. Они оба остро ощущали это. Каждый день они разворачивались и шли назад в тихую деревню мимо этой скамьи. И мимо слов, вырезанных неизвестной рукой: «Удивленные радостью».

Клара Морроу поведала Арману Гамашу, почему она здесь. И чего хочет от него. А закончив, увидела в его задумчивых глазах то, чего боялась больше всего.

Страх.

Он появился из-за нее. Это она передала Арману собственные опасения.

Ей захотелось взять свои слова обратно. Стереть их.

– Я просто хотела, чтобы вы знали, – пробормотала она, чувствуя, что краснеет. – Мне нужно было сказать кому-нибудь. Все это... – Собственное многословие только усиливало ее отчаяние. – Я ни о чем вас не прошу. Не хочу втягивать. На самом деле это глупости. Я и сама справлюсь. Забудьте все, что я вам наговорила. – Но Кларе было ясно, что уже слишком поздно. Сказанного не вернешь. – Не берите в голову, – добавила Клара твердым голосом.

Арман улыбнулся. Улыбка коснулась самых глубоких морщинок у его глаз, и Клара с облегчением увидела, что страха в них больше нет.

– Я уже взял, Клара.

Она пошла назад вниз по склону, подставляя лицо солнцу и вдыхая теплый воздух с ароматом роз и лаванды. У луга она остановилась и повернулась. Арман снова опустился на скамью. Кларе стало любопытно, вытащит ли он из кармана книгу, но он не стал этого делать. Он просто сидел, положив ногу на ногу, придерживая одной большой рукой другую, задумавшись и явно расслабившись. Его взгляд был устремлен куда-то за долину. На горы вдаль. На внешний мир.

«Все будет хорошо», – подумала Клара и пошла домой.

Но в глубине души Клара Морроу знала, что привела в действие какие-то тайные пружины. И увидела что-то в глазах Гамаша. В самой их глубине. Она не то чтобы внедрила это туда, скорее разбудила.

¹⁰ Мое сердце (*фр.*).

¹¹ Нет (*фр.*).

Арман Гамаш приехал сюда отдохнуть. Восстановиться. Ему был обещан покой. И Клара понимала, что нарушила обещание.

Глава третья

– Звонила Анни, – сообщила Рейн-Мари, принимая из рук мужа джин с тоником. – Они немного опаздывают. Пятничные пробки на дороге из Монреаля.

– Они останутся на выходные? – спросил Арман.

Начав готовить барбекю, он вступил в сражение с месье Беливо за место у жаровни. Шансы Гамаша победить равнялись нулю, да он и не хотел побеждать, но чувствовал, что должен хотя бы изобразить видимость борьбы. Наконец он подписал капитуляцию, отдав владельцу магазина щипцы.

– Насколько мне известно, – ответила Рейн-Мари.

– Хорошо.

Что-то в его интонации зацепило ее слух, но сразу же исчезло, унесенное взрывом смеха.

– Богом клянусь, – проговорил Габри, клятвенно поднимая руку, – это дизайнерская одежда.

Он повернулся, чтобы они могли оценить его во всей красе. На нем были мешковатые слаксы и свободная рубашка цвета лайма, которая слегка колыхалась на ветру, пока он поворачивался.

– Я купил это в одном из аутлетов, когда мы в последний раз ездили в Мэн.

Габри, чей возраст приближался к сорока, а рост немного превышал шесть футов, отразил изрядное брюшко давно: десятки тортов наполеон тому назад.

– Я не знала, что «Бенджамин Мур»¹² выпускает и одежду, – заметила Рут.

– Ой, как смешно, – фыркнул Габри. – Это, кстати, очень дорогие вещи. Разве они кажутся дешевыми? – воззвал он к Кларе.

– Они? – уточнила Рут.

– Ты комик, – сказал Габри.

– А ты гомик, – ответила Рут.

В одной руке она держала утку, а в другой – то, в чем Рейн-Мари узнала одну из своих вазочек, только наполненную виски.

Габри помог Рут снова усесться на стул.

– Тебе принести что-нибудь поесть? – спросил он. – Щенка или, может, зародыша?

– О, это было бы очень мило, дорогой, – откликнулась Рут.

Рейн-Мари прошла между друзьями, рассыпавшимися по саду, ловя обрывки разговоров на французском и английском, а чаще на смеси двух языков.

Она поискала взглядом Армана – ее муж внимательно слушал Винсента Жильбера, который рассказывал что-то. История, по-видимому, была забавной, вероятно самоуничижительной, потому что Арман улыбался. Затем он заговорил, жестикулируя стаканом пива.

Когда он закончил, Жильберы рассмеялись, а вместе с ними и Арман. Он поймал взгляд Рейн-Мари, и его улыбка стала еще шире.

Вечер был довольно теплым, но к тому времени, когда в саду зажгутся фонари, гостям могли понадобиться легкие свитеры и куртки, которые пока висели на спинках стульев.

Люди входили и выходили из дома, словно из своего собственного, расставляя еду на длинном столе, что стоял на террасе. Вечерние барбекю по пятницам в доме Гамашей успели войти в традицию.

Впрочем, мало кто говорил «дом Гамашей». В деревне его называли (а возможно, и всегда будут называть) домом Эмили, по имени женщины, которая жила здесь когда-то и у чьих наследников Гамаша его приобрели. Хотя для Армана и Рейн-Мари этот дом был новым, на

¹² «Бенджамин Мур» – американская компания, выпускающая краски.

самом деле он считался одним из самых старых в деревне. Обшитый вагонкой, с широкой верандой по фасаду, выходящему на деревенский луг. А позади дома были терраса и большой заброшенный сад.

– Пакет с книгами для вас я оставила в гостиной, – сказала Мирна.

– Merci, – ответила Рейн-Мари.

Мирна налила себе белого вина и тут обратила внимание на букет в центре стола. Высокий, пышный букет из множества цветов и листьев.

Мирна решила, что, пожалуй, не стоит говорить Рейн-Мари об обилии сорняков в букете. Здесь были все обычные «подозреваемые». Пурпурный вербейник, сныть. Даже обычный полевой выюнок, выдающий себя за ипомею.

Она много раз пропалывала клумбы с Арманом и Рейн-Мари, помогала навести порядок в мешанине растений. Ей казалось, что она четко объяснила разницу между сорняками и садовыми цветами.

Значит, потребуется еще один урок.

– Красиво, правда? – спросила Рейн-Мари, предлагая Мирне кусочек копченой форели на хлебе.

Мирна улыбнулась. Горожане, что с них взять.

Арман отошел от Жильберов и оглядел гостей, проверяя, все ли получили то, что хотели. Его взгляд остановился на невероятной компании. Клара сидела вместе с Рут в дальнем углу сада, повернувшись спиной ко всем собравшимся.

Она не сказала ему ни слова с тех пор, как пришла сюда.

Его это не удивило. Удивило другое – решение Клары сесть рядом с Рут и ее уткой (хотя Гамашу частенько казалось, что правильнее было бы описывать эту пару как «Роза и ее человек»).

Общества Рут любой из присутствующих, включая Клару, стал бы искать по одной-единственной причине – если очень хотел, чтобы его оставили в покое. Рут была настоящей живой бомбой-вонючкой.

Правда, их уединение вскоре было нарушено. К ним подбежал Анри и устался на утку.

То была щенячья любовь в крайнем своем проявлении. Любовь, которую Роза не разделяла. Гамаш услышал рычание. Его издала Роза. Анри крикнул.

Гамаш сделал шаг назад.

Когда Анри издавал такой звук, ничего хорошего ждать не приходилось.

Клара встала и пошла прочь. Она двигалась в сторону Гамаша, но потом изменила направление.

Вокруг Анри сгустился запах тухлых яиц, и Рут наморщила нос. Пес невинно огляделся, словно пытаясь найти источник отвратительного запаха.

Рут и Роза уставились на Анри с чувством, похожим на благоговение. Старая поэтесса сделала глубокий вдох, потом выдохнула, превращая токсичный газ в поэзию. И процитировала строки из своего знаменитого стихотворения:

Дар поднести тебе отравленный ты сам меня заставил,
Иначе не расстанешься с тобой.
А тут как подаянье нищему –
На. Только уходи скорее. С глаз долой¹³.

Однако Анри, сей отважный и газообильный пес, никуда не ушел. Рут с отвращением посмотрела на него, но протянула Анри руку, чтобы лизнул.

¹³ Строки из сборника стихов «Утро в сожженном доме» канадской писательницы Маргарет Этвуд.

И Анри сделал это.

Арман Гамаш отправился искать Клару. Она медленно брела к двум садовым креслам в адирондакском стиле, стоявшим рядышком на газоне. На их широких деревянных подлокотниках за долгие годы появилось множество белесых кругов от мокрых стаканов с выпивкой. Эмили добавила к ним свои круги, а поверх них наложились круги Гамашей от утреннего кофе и дневного аперитива. Переплетение линий мирной жизни.

В саду у Клары стояли два почти таких же кресла. Они были чуть повернуты друг к другу и смотрели на бордюр из многолетников, на реку и дальний лес. И на их деревянных подлокотниках красовались такие же белесые круги.

Гамаш увидел, как Клара ухватилась за спинку кресла и оперлась на нее, прижимаясь к деревянным рейкам.

– Клара? – позвал он.

– Все хорошо.

Она лукавила. Он знал это. И она знала. Она надеялась, что, поговорив наконец с Гамашем, избавится от тревоги. Переложит часть груза на другого человека.

Но хотя она так и сделала, легче ей не стало. Напротив, ее груз удвоился. И еще раз удвоился, пока тянулся этот день. Рассказав все Гамашу, Клара сделала свой страх реальным. Придала ему форму. Выпустила его на свободу. И он стал расти.

Все подкармливало его. Запах барбекю, растрепанные цветы, поцарапанные и заляпанные старые кресла. И чертовы круги на подлокотниках. Такие же, как у нее дома.

Все, что прежде было тривиальным, знакомым, безопасным, все, что утешало, теперь казалось начиненным взрывчаткой.

– Ужин готов, Клара, – произнес Гамаш своим тихим низким голосом.

Она услышала, как шуршит трава под его ногами, и поняла, что осталась одна.

Все ее друзья собрались вокруг стола с угощением. А Клара стояла поодаль спиной к ним и смотрела на темнеющий лес.

Потом она почувствовала чье-то присутствие и увидела Гамаша, протягивающего ей тарелку.

– Присядем? – Он показал на кресла.

И Клара села. Они ели молча. Все, что требовалось сказать, уже было сказано.

Другие гости накладывали стейки и чатни себе на тарелки. Мирна продолжала улыбаться, глядя на сорняковую композицию посреди стола. Но улыбка ее угасла, когда она вдруг поняла, что композиция и в самом деле прекрасна.

Гости передавали друг другу вазы с салатом, и Сара подала месье Беливо самую большую из испеченных днем булочек, а он отплатил ей нежнейшим стейком. Они стояли, наклонившись друг к другу, почти соприкасаясь.

Оливье оставил одного из официантов старшим в бистро и присоединился к ним. Разговор, не прекращаясь, перескакивал с одной темы на другую. Солнце село, и гости начали надевать свитера и легкие летние пиджаки и куртки. На столе и повсюду в саду зажглись чайные свечи, похожие на больших светляков, утомившихся за день и присевших отдохнуть.

– После смерти Эмили, когда дом закрыли, я уже думал, что у нас здесь никогда не будет вечеринок, – сказал Габри. – Я рад, что наконец хоть в чем-то ошибся.

Анри повернул свои уши-антенны на звук знакомого имени.

Эмили.

Пожилая женщина, которая нашла его в приюте, когда он был щенком. Она принесла его домой. Она дала ему имя, любила его, вырастила, а однажды исчезла, и тогда пришли Гамаша и забрали его. Многие месяцы он ждал ее. Принюхивался, не обнаружится ли где ее запах. Поднимал уши на звук подъезжающей машины. На стук двери. Ждал, что Эмили снова его

найдет. Снова спасет и отвезет домой. Но в один прекрасный день он перестал ловить звуки. Перестал ждать. Он больше не нуждался в спасении.

Анри перевел взгляд на Розу. Она тоже любила одну пожилую женщину и страшилась, что ее Рут может когда-нибудь исчезнуть, как исчезла Эмили. И тогда она останется одна. Анри смотрел на нее и смотрел, надеясь, что Роза взглянет на него и поймет, что, даже если ее опасения сбудутся, раненое сердце со временем залечится. Он хотел донести до нее, что лекарство не в злости, не в страхе, не в изоляции. Он сам их испробовал. И ничего не получалось.

Наконец Анри заполнил ту жуткую дыру единственным, что у него осталось. Тем, что ему дала Эмили. Отправляясь в долгие-долгие прогулки с Арманом и Рейн-Мари, он вспоминал свою любовь к снежкам, палочкам, катанию на спине в пахучих кашках. Свою любовь к разным временам года и их разным запахам. Свою любовь к грязи и чистой подстилке. К плаванию и остервенелому отряхиванию, когда лапы сами пускаются в пляс. К облизыванию себя, а потом – других.

И в один прекрасный день одиночество и печаль перестали занимать большую часть его сердца.

Он продолжал любить Эмили, но теперь он любил также Армана и Рейн-Мари.

А они любили его.

Здесь был дом. Он снова его обрел.

– Ah, bon. Enfin¹⁴, – проговорила Рейн-Мари, встречая на крыльце дочь Анни и зятя Жана Ги.

Возникла небольшая толкучка, когда гости стали прощаться.

Жан Ги Бовуар поздоровался и попрощался с жителями деревни и договорился с Оливье о совместной пробежке на следующее утро. Габри присоединиться к ним не пожелал, но предложил присмотреть за бистро, словно это было равноценной заменой бегу трусцой.

Бовуар подошел к Рут, и они посмотрели друг другу в глаза.

– Salut¹⁵, старая пьяница.

– Bonjour¹⁶, тупица.

Держа Розу, Рут подалась к Бовуару, и они расцеловались в обе щеки.

– В холодильнике розовый лимонад для тебя, – сказала она. – Это я его приготовила.

Он взглянул на ее корявые руки и понял, что открыть банку с концентратом ей было непросто.

– Когда жизнь дает тебе лимоны...¹⁷ – начал он.

– Это тебе она дает лимоны. А мне, слава богу, виски.

Бовуар рассмеялся:

– Мне лимонад наверняка понравится.

– Что ж, Розе он тоже понравился, когда она засунула клюв в кувшин.

Рут спустилась по широким деревянным ступеням с веранды и, проигнорировав выложенную плитняком дорожку, двинулась через лужайку по короткой тропинке, протоптанной в траве между домами.

Жан Ги дождался, пока Рут захлопнет за собой дверь, и только после этого потащил в дом сумки.

Был одиннадцатый час, и все гости уже ушли. Гамаш соорудил из остатков ужин для дочери и зятя.

¹⁴ Ну вот, наконец-то (*фр.*).

¹⁵ Привет (*фр.*).

¹⁶ Здравствуй (*фр.*).

¹⁷ Здесь обыгрывается английская пословица: «Когда жизнь дает тебе лимоны, приготовь лимонад», смысл которой в том, чтобы находить позитивное даже в негативных явлениях.

– Как работа? – спросил он у Жана Ги.

– Неплохо, patron.

Бовуар так и не смог заставить себя называть тестя Арманом. Или папой. Обращение «старший инспектор» было неуместно после отставки Гамаша, к тому же звучало слишком официально. А потому Жан Ги остановился на patron. Босс. Словечко было уважительным и в то же время неформальным. Удивительно точным.

Да, Арман Гамаш – отец Анни, но для Бовуара он всегда будет patron.

Они поговорили о деле, над которым работал Бовуар. Жан Ги искал признаки того, что шеф интересуется не просто так. Что у него возникло желание вернуться в отдел Квебекской полиции, который он создал. Но Гамаш был всего лишь вежлив, и больше ничего.

Жан Ги налил себе и Анни розового лимонада, проверив, не плавают ли в нем утиные перья.

Они вчетвером уселись на задней террасе, под звездами, любясь огоньками свечей в саду. Когда с обедом и мытьем посуды было покончено и они приступили к кофе, Гамаш обратился к Жану Ги:

– Можно тебя на несколько минут?

– Конечно.

Он прошел за тестем в дом.

Рейн-Мари увидела, как медленно закрылась дверь кабинета. Раздался щелчок замка.

– Мама, это что?

Анни проследила за взглядом Рейн-Мари, уткнувшимся в закрытую дверь, потом посмотрела на застывшее в улыбке лицо матери.

«Вот оно», – подумала Рейн-Мари. Та самая малозаметная интонация, которую она уловила в голосе мужа, когда он узнал, что Анни и Жан Ги приезжают сегодня. Это была не просто радость от предстоящей встречи с дочерью и зятем.

Она слишком часто видела закрытую дверь у себя в доме, чтобы не понимать, что это значит. Она – с одной стороны двери, Арман и Жан Ги – с другой.

Рейн-Мари всегда знала, что этот день наступит. С того времени, как они распаковали первую коробку и провели здесь первую ночь. С самого первого утра, когда она проснулась рядом с Арманом без страха перед тем, что готовит грядущее.

Она знала, что этот день наступит. Но думала, надеялась, молилась, чтобы не слишком быстро.

– Мама?

Глава четвертая

Мирна подергала ручку, но дверь оказалась запертой.

– Клара? – позвала она и постучалась.

Редко кто из них запирает двери, хотя опыт и говорил им, что в этом есть резон. Но жители деревни знали, что безопасность в их доме обеспечивает вовсе не замок. И если беда придет, то не из-за открытой двери.

Однако сегодня Клара заперлась на задвижку. «Чего она боится?» – с недоумением подумала Мирна.

– Клара?

Мирна постучалась еще раз.

Чего опасается Клара? Кого не хочет впускать?

Дверь распахнулась, и, увидев лицо подруги, Мирна получила ответ.

Ее. Клара не хотела впускать ее.

Ну что ж, из этого ничего не получилось. Мирна продефилировала в кухню, такую же знакомую, как и ее собственная.

Она поставила чайник и достала две кружки. Опустила в них пакетики травяного чая. Ромашку для Клары, мяту для себя. Потом взглянула в расстроенное лицо подруги:

– Что случилось? Что с тобой происходит, черт побери?

Жан Ги Бовуар уселся в удобное кресло и посмотрел на шефа. Гамаша переделали одну из спален первого этажа в гостиную, и Жиль Сандон соорудил книжные стеллажи по всем стенам и даже вокруг окон и дверного косяка, так что гостиная превратилась в этакий книжный домик.

За спиной шефа стояли биографии, книги по истории, научные издания. Художественная литература и публицистика. А толстенный том об экспедиции Франклина, казалось, выскочил прямо из головы Гамаша.

Они поболтали несколько минут, но не как тесть и зять, а как товарищи. Как выжившие в одной и той же катастрофе.

– Жан Ги с каждым разом выглядит все лучше, – сказала Рейн-Мари.

Она ощущала запах мятного отвара, который пила ее дочь, и слышала, как мотылек бьется о стекло лампы на крыльце, трепеща крылышками.

Две женщины переместились на веранду, Анни села на качели, а Рейн-Мари – в кресло. Перед ними лежала деревня Три Сосны, кое-где в окнах еще горел янтарный свет, но большинство домов уже погрузилось в темноту.

Они разговаривали не как мать и дочь, а как две потерпевшие кораблекрушение, которые вместе плыли на спасательном плоту и вот наконец оказались на твердой земле.

– Он ходит к психотерапевту, – откликнулась Анни. – И в Общество анонимных алкоголиков. Ни одного собрания не пропустил. Я думаю, он с нетерпением ждет каждого, хотя ни за что в этом не признается. А как папа?

– Он делает зарядку. Мы много гуляем. С каждым днем он может ходить все дальше. И даже поговаривает о занятиях йогой.

Анни рассмеялась. Ее лицо и фигура были созданы не для парижских подиумов, а для хороших ужинов, книг у камина и веселья. Она была создана из счастья и для счастья. Но Анни Гамаш потребовалось немало времени, чтобы найти свое счастье. И поверить в него.

И даже сейчас, в тихий летний вечер, в глубине души она опасалась, не отберут ли у нее обретенный рай. Снова. Пулей, иглой. Крохотной болеутоляющей таблеткой, которая, напротив, приносит столько боли.

Анни поерзала на сиденье, прогоняя тревожные мысли. Большую часть жизни она провела, оглядывая горизонт в поисках опасностей, настоящих или вымышленных, но теперь знала, что реальные угрозы ее счастью приходят не из какой-то отдаленной точки, они появляются, когда ты их ждешь. Когда ты предполагаешь, что они появятся. Когда думаешь о них. А иногда и сама их создаешь.

Ее отец шутиливо обвинял ее в том, что она живет на руинах собственного будущего. Но как-то раз она заглянула ему в глаза и поняла, что он не шутит.

Он ее предупреждает.

Однако расстаться с привычкой было нелегко, в особенности еще и потому, что потери могли оказаться колоссальными. И она чуть не утратила все, что имела. Из-за пули. Из-за иглы. Из-за крохотной таблетки.

Ее мать тоже чуть не потеряла все.

Им обоим позвонили посреди ночи: «Приезжайте немедленно. Сейчас же. Пока не поздно».

Они не опоздали.

Ее отец и Жан Ги смогли выздороветь, однако Анни сомневалась, что ей и ее матери удастся исцелиться. От ожидания звонка посреди ночи.

Но сейчас они были в безопасности. Здесь, на веранде. Анни видела прямоугольник света в окне гостиной. Там сидели ее отец и Жан Ги. Также в безопасности.

Пока.

Нет, одернула она себя. Нет никакой угрозы.

Когда же она по-настоящему поверит в это? А когда поверит ее мать?

– Ты можешь себе представить, как папа каждое утро приветствует на деревенском лугу восход солнца?¹⁸

Рейн-Мари рассмеялась. Забавно, но она могла это представить. Возможно, картина была бы не самая приглядная, но она почти видела Армана за подобным занятием.

– Он правда поправился? – спросила Анни.

Рейн-Мари повернулась в кресле и взглянула на лампу над дверью. То, что началось легким постукиванием о стекло, превратилось в остервенелое биение насекомого, рвущегося к теплу и свету, спасающегося от холодной тьмы. Это действовало ей на нервы.

Она снова посмотрела на Анни, прекрасно понимая, о чем спрашивает дочь. Анни видела, что отец набирает физическую форму, но ее заботило то, что было незаметно для глаз.

– Раз в неделю он встречается с Мирной, – сказала Рейн-Мари. – Это идет ему на пользу.

– С Мирной? – переспросила Анни. – С Мирной? – Она показала на «финансовый блок» Трех Сосен, состоящий из универсама, пекарни, бистро и магазина «Книги Мирны, новые и старые».

Рейн-Мари поняла, что ее дочь знает Мирну только как владелицу магазина. Собственно говоря, она всех деревенских знала только по их нынешней жизни, а не по прежней. Анни понятия не имела, что эта крупная черная женщина, продающая старые книги и помогающая ее родителям в саду, – доктор Ландерс, бывший психотерапевт.

Рейн-Мари стало любопытно, как новые обитатели Трех Сосен будут воспринимать ее и Армана – супружескую пару средних лет из дома, обитого светлой вагонкой.

Не покажутся ли они слегка рехнувшимися сельчанами, которые делают букеты из сорняков и сидят у себя на крылечке со вчерашним выпуском «Пресс»? А может, их будут знать только как хозяев Анри?

Узнают ли когда-нибудь новые обитатели деревни, что прежде Рейн-Мари была старшим библиотекарем Национальной библиотеки и архива Квебека?

¹⁸ «Приветствие солнцу» – в йоге определенная последовательность утренних асан (поз).

Будет ли это иметь для них значение?

А Арман?

Что будет думать новоиспеченный житель Трех Сосен о его прежней жизни? Возможно, вообразит, что Гамаш сделал карьеру журналиста, подвизаясь в интеллектуальной и совершенно заумной ежедневной «Девуар». Что он проводил дни, сидя в потертом кардигане и сочиняя длинные колонки, посвященные вопросам политики.

Более проницательные, вероятно, выскажут предположение, что Арман преподавал в Монреальском университете. Принадлежал к этакому типу добродушных профессоров, помешанных на истории, географии и на том, что происходит на стыке данных дисциплин.

Придет ли в голову новичкам в Трех Соснах, что человек, кидающий мячик немецкой овчарке или потягивающий виски в бистро, когда-то был самым знаменитым копом Квебека? И даже Канады? Смогут ли они догадаться, что этот крупный человек, каждое утро делающий «приветствие солнцу», когда-то выслеживал убийц, чем и зарабатывал на жизнь?

Рейн-Мари надеялась, что нет.

Она осмеливалась верить, что та жизнь позади. Та жизнь осталась в воспоминаниях. Она скиталась по горам вокруг деревни, но здесь ей не находилось места. Теперь уже нет. Старший инспектор Гамаш, глава отдела по расследованию убийств, сделал свою работу. Настал черед других.

Но сердце Рейн-Мари сжималось, когда она вспоминала, как закрылась дверь в гостиную. Как раздался щелчок.

Мотылек все еще колотился о лампу. И Рейн-Мари спросила себя: чего он ищет – тепла или света?

Больно ли ему? Ударяясь о раскаленное стекло, он обжигает крылышки и тонкие, как нить, ножки и отлетает прочь. Свет не дает мотыльку того, к чему он так отчаянно стремится.

Рейн-Мари встала и выключила лампу, и через несколько мгновений мотылек перестал биться о стекло, а Рейн-Мари вернулась на свое место.

Теперь здесь воцарились тишина и темнота. Только из окна гостиной проникал желтоватый свет. Тишина сгущалась, и Рейн-Мари спрашивала себя, доброе ли дело сделала она для насекомого. Спасла жизнь, но уничтожила смысл его существования?

А потом порхание крохотных крылышек возобновилось. Отчаянное. Осторожное, но настойчивое. Мотылек перелетел к окну и стал биться в стекло, за которым сидели Арман и Жан Ги.

Мотылек нашел свой свет. Он никогда не сдастся. Не может.

Под взглядом дочери Рейн-Мари поднялась и снова включила свет на крыльце. Такова уж природа мотыльков – делать то, что они должны. И Рейн-Мари не могла остановить это, как бы ей ни хотелось.

– Как Анни? – спросил Гамаш. – Она выглядит счастливой.

Он улыбнулся, подумав о дочери, и вспомнил, как танцевал с ней на деревенском лугу на ее свадьбе с Жаном Ги.

– Вы спрашиваете, не беременна ли она?

– Нет, конечно, – фыркнул Гамаш. – Как ты мог такое подумать? – Он взял с кофейного столика пресс-папье, поставил его обратно, потом схватил книгу и покрутил в руках, словно никогда не видел книг. – Это не мое дело. – Он сел поудобнее. – По-твоему, я считаю, будто только беременность сделает ее счастливой? За кого ты меня принимаешь? За какого отца?

Он сердито взглянул на Бовуара.

Жана Ги удивила эта неожиданная вспышка.

– Для отца вполне естественно задавать подобные вопросы.

– Так она беременна? – спросил Гамаш, подаваясь вперед.

– Нет. Она выпила за обедом бокал вина. Вы не заметили? Тоже мне детектив.

– Я больше не детектив. – Он поймал взгляд Жана Ги, и они оба улыбнулись. – На самом деле я вовсе не об этом спрашивал, – искренне сказал Гамаш. – Просто я хочу, чтобы она была счастлива. И ты тоже.

– Я счастлив, patron.

Они посмотрели друг на друга. Разглядеть бывшие раны могли лишь они сами. Так же как и увидеть признаки подлинного исцеления.

– А вы, сэр? Вы счастливы?

– Да.

Бовуару не требовалось задавать дополнительные вопросы. Всю свою профессиональную жизнь он выслушивал ложь и мог отличить ее от правды.

– А как дела у Изабель? – спросил Гамаш.

– У исполняющей обязанности старшего инспектора Лакост? – улыбнулся Бовуар.

Его протеже назначили главой отдела по расследованию убийств, хотя все считали, что после ухода шефа в отставку его место займет Бовуар. Впрочем, Жан Ги знал: причины, по которым инспектор оставил работу, сложнее, чем могло бы показаться со стороны. Отставка – нечто предсказуемое. Никто не мог предугадать событий, которые заставили Гамаша уйти из полиции и купить дом в деревне, такой маленькой и незаметной, что ее даже на географических картах не было.

– У Изабель дела идут отлично.

– Отлично в том смысле, в каком это слово использует Рут Зардо? – поинтересовался Гамаш.

– Именно. Работы-то у нее всего ничего. Она взяла вас за образец для подражания, сэр.

Рут назвала свой последний тоненький поэтический сборник «У меня все ОТЛИЧНО». И только те, кто давал себе труд прочитать книгу, понимали, что слово ОТЛИЧНО представляет собой аббревиатуру, которая расшифровывается как «Отвратительно. Тошнотворно. Лейкозно. Истерично. Чахоточно. Нудно. Омерзительно».

Изабель Лакост как минимум раз в неделю звонила Гамашу, а дважды в месяц они встречались за ланчем в Монреале. Неизменно вдали от управления Квебекской полиции. Гамаш настаивал на этом, чтобы не подрывать авторитета нового старшего инспектора.

У Лакост возникали вопросы, ответы на которые знал только ее бывший босс. Иногда они были чисто процедурного свойства, но чаще – более сложные, связанные с человеческой природой. Вопросы, продиктованные сомнениями, неуверенностью. И страхом.

Гамаш выслушивал ее и иногда делился собственным опытом. Заверял Изабель в том, что ее чувства вполне естественные, нормальные и здоровые. Он сам испытывал все это чуть ли не каждый рабочий день. Не потому, что был не на своем месте, а потому, что боялся. Когда звонил телефон или раздавался стук в дверь, он волновался, что новое дело о жизни и смерти окажется ему не по зубам.

«У меня новый стажер, patron», – сказала ему Изабель за ланчем в «Ла Пари» на прошлой неделе.

«Ah, oui?»

«Молодой агент, только что выпустился из академии. Адам Коэн. Кажется, вы его знаете».

Гамаш улыбнулся: «Merci, Изабель».

Юного месье Коэна исключили из полицейской академии за неупеваемость, и он устроился надзирателем в тюрьму. Гамаш познакомился с ним несколько месяцев назад, когда почти все ополчились против него. Профессионально. Лично. И в конечном счете физически. Но Адам Коэн встал рядом с ним. Не убежал, хотя имел для этого все основания, включая и спасение собственной шкуры.

Старший инспектор не забыл о нем. Когда кризис миновал, Гамаш обратился к директору академии и попросил его предоставить Коэну второй шанс, что делалось лишь в исключительных случаях. А потом Гамаш опекал молодого человека, руководил им. Подбадривал его. А на выпускной церемонии стоял в конце зала и аплодировал ему.

Гамаш попросил Изабель принять Коэна. По существу, взять его под свое крыло. Лучшего наставника для молодого человека он и представить не мог.

«Сегодня утром агент Коэн приступил к исполнению обязанностей, – сообщила Лакост, подцепив вилкой салат из киноа, сыра фета и гранатовых зерен. – Я вызвала его в кабинет и сказала, что есть четыре фразы, которые ведут к мудрости. Предупредила, что озвучу их только раз, а уж он может поступать так, как решит сам».

Арман Гамаш, слушая, положил вилку на тарелку.

«Я не знаю. Я ошибался. Я прошу прощения», – медленно говорила Лакост, разгибая пальцы, чтобы не сбиться со счета.

«Мне нужна помощь», – завершил Гамаш. Именно такой урок много лет назад он преподал молодому агенту Лакост. Как и другим своим молодым агентам.

И теперь, сидя в своем доме в Трех Соснах, он сказал:

– Мне нужна твоя помощь, Жан Ги.

Бовуар замер, сосредоточился и коротко кивнул.

– Сегодня утром ко мне пришла Клара. У нее... – Гамаш замешкался, подыскивая слово. – Затруднение.

Бовуар подался вперед.

Клара и Мирна сидели бок о бок на больших деревянных садовых креслах в саду за домом Клары. Квакали лягушки, стрекотали кузнечики, а время от времени из темного леса доносились какие-то шорохи.

Фоном всем этим звукам было журчание речушки Белла-Белла, несущей свои воды с гор мимо деревни и дальше. Речушка текла домой, но не очень спешила.

– Я была терпелива, – заговорила Мирна. – Но теперь ты должна мне сказать, что происходит.

Даже в темноте Мирна угадала выражение лица подруги, когда та повернулась к ней.

– Терпелива? – переспросила Клара. – Вечеринка закончилась всего час назад!

– Ладно, может быть, «терпелива» не лучшее слово. Я беспокоилась. И не только со времени сегодняшней вечеринки. Почему ты каждое утро подсаживалась к Арману? И что случилось между вами сегодня? Ты практически убежала от него.

– Ты видела?

– Да бога ради, Клара. Скамья стоит на вершине холма. С таким же успехом ты могла бы усесться на неоновой рекламе.

– Я не пыталась прятаться.

– И тебе это удалось. – Мирна понизила голос. – Ты можешь мне сказать?

– А ты не догадываешься?

Мирна повернулась так, чтобы сидеть лицом к подруге.

В растрепанных волосах Клары все еще оставалась краска – не те мелкие брызги, какие могут попасть, когда красишь потолок или стену. У нее в волосах были полосы охры и желтого кадмия. А на шее – похожий на синяк отпечаток пальца, побывавшего перед этим в женой сиене.

Клара Морроу писала портреты. И в процессе нередко раскрашивала себя.

По пути в сад Мирна заглянула в мастерскую Клары, посмотрела на ее последнюю картину на мольберте. Призрачное лицо только-только проступало – или исчезало – на полотне.

Портреты, созданные подругой, поражали Мирну. На первый взгляд это было просто изображение человека. Милое. Узнаваемое. Привычное. Но... но стоило Мирне постоять перед холстом подольше, стоило ей отринуть собственные представления о модели, снять, как говорится, защиту, отказаться от всех суждений, как перед ней появлялся другой портрет.

На самом деле Клара Морроу писала не лица, а эмоции, чувства, скрытые, замаскированные, запертые и хранимые за приятным фасадом.

От ее работ у Мирны перехватывало дыхание. Но этот портрет напугал ее по-настоящему.

– Это касается Питера, – сказала Мирна, когда они сидели в прохладной ночи.

Она знала, что предмет их разговора и лицо, изображенное на жутковатом портрете, носят одно имя. Питер Морроу. Муж Клары.

Клара кивнула:

– Он не вернулся.

– И что? – спросил Жан Ги. – В чем проблема? Клара и Питер расстались, верно?

– Да, год назад, – подтвердил Гамаш. – Клара попросила его уйти.

– Я помню. Тогда почему она его ждет?

– Они дали друг другу обещание. Не видеться в течение года, но ровно год спустя Питер должен был вернуться, чтобы они решили, как им жить дальше.

Бовуар сел поудобнее и закинул ногу на ногу, бессознательно подражая своему старшему другу.

Он обдумал слова Гамаша.

– Но Питер не вернулся.

– Я ждала.

Клара держала кружку, уже не горячую, приятно согревающую руки. Вечер стоял прохладный и тихий, от чая шел запах ромашки. И хотя Клара не видела Мирну, сидящую рядом, но ощущала ее. И аромат теплой мяты.

А Мирне хватало такта хранить молчание.

– Год закончился несколько недель назад, – сказала Клара. – Я купила бутылку вина и два стейка у месье Беливо, приготовила салат из апельсинов, рукколы и козьего сыра – Питер его любит. Разожгла угли в жаровне. И села ждать.

Она умолчала о том, что купила еще и круассаны в пекарне Сары, чтобы были на следующее утро. Если все сложится.

И теперь она чувствовала себя полной идиоткой. Она воображала, как он вернется, увидит ее, обнимет. В самых смелых своих мелодраматических мечтах она даже представляла, как он рыдает и просит у нее прощения за то, что был таким говнюком.

Она, разумеется, будет холодна и сдержанна. Радушна, но не более.

По правде говоря, в привычных объятиях Питера Клара всегда чувствовала себя как создание Беатрис Поттер. Миссис Туфф в ее забавном маленьком домике¹⁹. В объятиях Питера она находила убежище. Там был ее дом.

Но та жизнь оказалась сказкой, иллюзией. И все же в момент слабости, заблуждения или надежды она купила эти круассаны. На тот случай, если за обедом последует завтрак. На тот случай, если ничто не изменилось. Или изменилось все. Или изменился Питер и перестал быть таким *merde*²⁰.

Она представляла себе, как они будут сидеть на этих самых креслах и ставить кружки с кофе на старые следы. Есть круассаны. Тихо разговаривать. Как будто ничего не случилось.

¹⁹ Имеется в виду «Сказка о миссис Туфф» английской писательницы и иллюстратора Беатрис Поттер.

²⁰ Дерьмом (*фр.*).

Но за прошедший год случилось многое. С Кларой. С ее друзьями. С деревней.

Правда, сейчас Клару занимал другой вопрос: что произошло с Питером. Этот вопрос захватил ее мысли, потом завладел сердцем, а теперь полностью взял в заложники.

– Почему же ты раньше ничего не говорила? – спросила Мирна.

Клара знала, что это обычный вопрос, а не укор. В нем не было ни упрека, ни осуждения. Просто Мирна хотела понять.

– Поначалу я думала, что перепутала дату. Потом пришла в бешенство и решила: ну и черт с ним! Так продолжалось недели две. А потом...

Она подняла руки, словно сдаваясь.

Мирна ждала, прихлебывая чай. Она знала подругу. Клара могла медлить, колебаться, ошибаться. Но она никогда не сдавалась.

– Потом я испугалась.

– Испугалась чего? – спокойно спросила Мирна.

– Не знаю.

– Знаешь.

После долгой паузы Клара ответила:

– Я боялась, что он умер.

Мирна молчала. И ждала. Поставила кружку на подлокотник.

– И еще я боялась, что он не умер, – продолжила Клара, – а не вернулся домой потому, что не захотел.

– Salut, – сказала Анни, когда ее муж вышел на веранду, и похлопала по сиденью рядом с собой.

– Прямо сейчас не могу, – ответил Жан Ги. – Но ты придержи для меня место. Вернусь через несколько минут.

– К тому времени я уже буду в постели.

Бовуар хотел было сказать что-то, но вовремя вспомнил, где они и кто с ними.

– Ты уходишь? – поднимаясь на ноги, спросила Рейн-Мари у Армана, и он обнял ее за талию:

– Ненадолго.

– Я оставлю свечку в окне, – пообещала она и увидела улыбку на его лице.

Рейн-Мари проводила взглядом мужа и зятя, шагающих по деревенскому лугу. Поначалу она думала, что они идут в бистро выпить перед сном, но они повернули направо. На свет в доме Клары.

Потом Рейн-Мари услышала, как они постучались в дверь. Тихий-тихий настойчивый стук.

– Вы ему сказали?

Клара перевела взгляд с Гамаша на Жана Ги.

Она была багровой. Лицо у нее заливалось краской, словно она упала на одну из своих палитр. Пурпур с пятнами фиолетового диоксиазинового расползлся вверх от шеи.

– Это личное. То, что я вам рассказала.

– Вы просили моей помощи, Клара.

– Нет, не просила. Напротив, я просила, чтобы вы мне не помогали. Я сама разберусь. Это моя жизнь. Моя проблема, а не ваша. Вы думаете, что любая незамужняя женщина испытывает стресс? Я что, стала проблемой, которую нужно разрешить? Слабая женщина, нуждающаяся в помощи? Да? Великий человек вмешивается, чтобы обо всем позаботиться. Вы пришли сказать, чтобы я не забивала свою хорошенькую маленькую головку глупыми мыслями?

Даже у Мирны расширились глаза при таком описании головы Клары.

– Пойдите... – начал Бовуар, тоже побагровев, но Гамаш положил ладонь на его руку.

– Нет, это вы пойдите, – рявкнула Клара, поворачиваясь к Бовуару, и Мирна взяла ее за руку мягко, но уверенно.

– Прошу прощения, если я вас неправильно понял, – сказал Гамаш с озадаченным видом. – Мне показалось, что сегодня утром вы просили меня о помощи. Зачем иначе вы бы стали ко мне обращаться?

Вот оно. Простая истина.

Арман Гамаш был ее другом. Но с Рейн-Мари она сдружилась ближе. Другие жители деревни были друзьями с большим стажем. А Мирна вообще была ее лучшей подругой.

Почему же каждое утро она поднималась на холм и садилась на скамью рядом с Гамашем? И в конечном счете сняла с себя груз? Переложила на его плечи?

– Вы ошиблись, – ответила Клара, пока пурпурный цвет распространялся по коже головы, заползая в волосы. – Если вам скучно в деревне, старший инспектор, то найдите чью-нибудь еще частную жизнь и начинайте ее препарировать.

Даже Бовуар, услышав это, раскрыл рот, настолько потрясенный, что растерял все слова. Наконец он нашел их:

– Скучно? Скучно? Да вы хоть понимаете, что он вам предлагает? От чего он отказывается? Что за эгоистич...

– Жан Ги! Хватит.

Все четверо замолчали, возмущенно глядя друг на друга.

– Извините, – сказал Гамаш и отвесил Кларе легкий поклон. – Я ошибся. Жан Ги...

Бовуар поспешил за Гамашем, который широкими шагами устремился от дома Клары к бистро. Очутившись там, Гамаш заказал себе коньяк, а Бовуар – колу.

Жан Ги присмотрелся к тестю. И постепенно до него дошло, что Гамаш вовсе не злится. Он совершенно не обижен тем, что Клара отвергла его предложение помочь и даже оскорбила его.

Наблюдая, как шеф попивает коньяк, уставившись в пространство, Бовуар понял, что единственное чувство, которое испытывает сейчас Арман Гамаш, – это облегчение.

Глава пятая

Следующее утро было ярким и теплым.

Рейн-Мари вышла из передней двери на крыльцо и чуть не наступила на мотылька. Он лежал на спинке прямо под лампой, с распростертыми, словно в экстазе, крыльями.

Арман, Рейн-Мари и Анри зашагали вверх по холму, мимо маленькой церкви, мимо спа-гостиницы и старого дома Хадли. Они прошли через туннель из деревьев. Они видели свои следы, оставленные на земле вчера. И позавчера.

Наконец следы оборвались. Но эти трое пошли дальше. Дальше на сто ярдов. Всегда немного дальше. Пока не почувствуют, что пора поворачивать.

На обратном пути они присели на скамью отдохнуть.

– Похоже на компас, правда? – сказала Рейн-Мари.

Арман швырнул мячик страждущему и неутомимому Анри, потом обдумал ее слова.

– Ты права, – улыбнулся он. – Я и не замечал этого.

Деревня Три Сосны была построена вокруг деревенского луга. Дома образовывали круг, из которого выходили четыре дороги, словно указатели четырех стран света. Гамашу стало любопытно, действительно ли они идут на север, юг, восток или запад.

А что, если Три Сосны и в самом деле компас? Указатель для тех, кто сбился с курса?

– Расскажешь мне о Кларе? – спросила Рейн-Мари.

– Боюсь, что нет, топ соеиг.

Гамаш посмотрел на нее с несчастным видом. Он ничего не утаивал от жены. Приходил со службы домой и рассказывал о вешдоках, о подозреваемых, о собственных подозрениях. Он делал это, потому что доверял Рейн-Мари и хотел, чтобы она участвовала в его жизни. Они обсуждали убийства, которые он расследовал, а также книги и старые документы, над которыми работала Рейн-Мари в Национальном архиве.

Но кое-что, кое-что Гамаш хранил в тайне. Были вещи, о которых он никому не говорил. И он знал, что у Рейн-Мари тоже есть секреты. Доверенные ей другими людьми.

– Однако Жану Ги ты сказал.

Она не обвиняла – просто спрашивала.

– Я совершил ошибку. Когда мы пришли к Кларе побеседовать о ее проблеме, она дала понять, что я не должен был так поступать.

Он чуть поморщился, и Рейн-Мари заподозрила, что Клара выразилась слишком резко.

– Но она ведь хотела, чтобы ты помог ей в чем-то.

Голос Рейн-Мари звучал спокойно, хотя сердце колотилось. Она знала: если Клара просит Армана о помощи, то речь идет не об установке мышеловки, или обрезке живой изгороди, или починке крыши. Все это Клара умела и сама.

Если уж она обратилась к Арману, то за помощью, которую мог оказать только он.

– Я ее неправильно понял. – Он усмехнулся и покачал головой. – Как же быстро можно потерять чутье. Утратить способность принимать сигналы.

– Ты не потерял чутье, а расслабился, – возразила Рейн-Мари.

Она знала: что бы сейчас ни говорил ее муж, от его внимания мало что ускользало. И если он решил, что Клара просит о помощи, то, скорее всего, так оно и было. Какая же помощь требовалась Кларе и почему она передумала?

– А ты собирался ей помочь? – спросила она.

Гамаш открыл рот и тут же закрыл его. Он знал правильный ответ. Равно как и правдивый. И сомневался, что они совпадают.

– Что же, нужно было ей отказать? – Почувствовав, как нелюбезно это прозвучало, он продолжил: – Ну, теперь это чисто академический вопрос. Она ничего от меня не хочет.

– Может, она просто ждала, что ты ее выслушаешь. – Рейн-Мари положила руку ему на колено и встала. – Ей не нужно было твое тело или душа, *mon vieux*²¹. А только ухо.

Она наклонилась и поцеловала его.

– Увидимся позже.

Арман проследил за тем, как его жена и Анри спускаются по тропинке в деревню. Потом он вытащил из кармана книгу, надел полукруглые очки и открыл книгу на закладке. Немного помедлил, вернулся к самому началу и стал читать с первой страницы.

– Недалеко же вы продвинулись.

Гамаш закрыл книгу и посмотрел поверх очков. Клара стояла перед ним, держа две кружки кофе с молоком. И пакетик круассанов.

– Мирное подношение, – пояснила она.

– Как на Парижской конференции, – сказал Гамаш, принимая ее дар. – Если речь идет о территориальном разделе, то я беру книжный магазин Мирны и бистро.

– А мне оставляете пекарню и магазин месье Беливо? – Клара немного подумала. – Я предвижу войну.

Гамаш улыбнулся.

– Простите меня за вчерашний вечер. – Она села. – Не стоило мне все это говорить. Спасибо за предложение помощи.

– Нет, с моей стороны это было самонадеянно. Никто лучше меня не знает, что вы сами можете о себе позаботиться. Вы были правы. Вероятно, я настолько привык иметь дело с проблемами, требующими разрешения, что вижу их даже там, где их нет.

– Наверное, это трудно – быть оракулом.

– Вы и представить себе не можете.

Гамаш рассмеялся и почувствовал, что ему стало легче. Может быть, она и в самом деле хотела, чтобы он только выслушал ее. Может быть, ничего большего она от него и не ждет.

Они ели круассаны, роняя крошки на землю.

– Что вы читаете? – спросила Клара.

Она впервые открыто заговорила об этом.

Гамаш положил свою большую ладонь на обложку и захлопнул книгу, словно для того, чтобы история не выскочила наружу.

Потом убрал руку и показал Кларе название, но, когда она хотела посмотреть ближе, он отодвинул книгу от нее. Чуть-чуть, едва заметно. Но все же достаточно.

– «Бальзам в Галааде»²², – прочла название Клара и попыталась вспомнить. – Есть книга, которая называется «Галаад». Я ее читала несколько лет назад. Автор – Мэрилин Робинсон. Она получила Пулицеровскую премию.

– Это другая, – заверил ее Гамаш.

Клара и сама это видела. Та книга, что он держал в руке и теперь засовывал в карман, была тоненькая и старая. Потрепанная. Читаная-перечитаная.

– У Мирны купили? – спросила Клара.

– Non. – Он внимательно посмотрел на нее. – Вы хотите поговорить о Питере?

– Нет.

«Парижская мирная конференция» зашла в тупик. Гамаш отхлебнул кофе. Утренний туман почти рассеялся, и зеленый лес тянулся вдаль, насколько хватало глаз. Там росли старые деревья, еще не обнаруженные и не спиленные лесопромышленниками.

– Вы никогда не дочитаете ее до конца, – сказала Клара. – Такое трудное чтение?

²¹ Старичок (*фр.*).

²² Название «Бальзам в Галааде» восходит к библейскому «Разве нет бальзама в Галааде?» (Книга пророка Иеремии, 8: 22).

– Для меня – да.

Она немного помолчала.

– Когда Питер уходил, я была уверена, что он вернется. Ведь это я заставила его уйти. Он не хотел. – Она опустила голову и посмотрела на руки. Сколько она ни старалась, вычистить краску из-под ногтей не удавалось. Краска словно стала ее частью. Впиталась в нее. – А теперь он не желает возвращаться домой.

– А вы хотите, чтобы он вернулся.

– Не знаю. И наверное, не узнаю, пока его не увижу. – Она посмотрела на книгу, торчащую из кармана Гамаша. – Почему вам так трудно ее читать? Она на английском, но мне известно, что английский вы знаете не хуже французского.

– *C'est vrai*²³. Слова я понимаю, но эмоции, выраженные в книге, даются мне с трудом. В тех краях, куда она меня ведет, я должен ступать осторожно.

Клара широко открыла глаза:

– У вас все в порядке?

Он улыбнулся:

– А у вас?

Клара провела своими большими руками по волосам, оставив в них крошки от круассанов.

– Можно мне ее посмотреть?

Гамаш помедлил, но все же вытащил книгу из кармана и протянул Кларе, внимательно глядя на нее. Он внезапно напрягся всем телом, словно передал ей заряженный пистолет.

Тоненькая книжка в твердом переплете. Клара перевернула ее.

– «Есть бальзам, есть в Галааде, – прочла она на задней стороне обложки. – Исцеленье он несет...»

– «Царь Небесный Всемогуший душу грешную спасет», – закончил Арман Гамаш. – Это из старого спиричуэла.

Клара уставилась на обложку:

– Вы верите в это, Арман?

– Да.

Он отобрал у нее книжку и сжал так крепко, что Кларе показалось: сейчас оттуда посыплются слова.

– Тогда что вызывает у вас затруднения?

Он промолчал, но она сама нашла ответ.

Проблема была не в словах, а в ранах. В старых ранах. И возможно, в грешной душе.

– Где Питер? – спросила она. – Что с ним случилось?

– Не знаю.

– Но вы знаете его. Разве он из тех, кто может вот так взять и исчезнуть?

Гамаш знал ответ на ее вопрос, знал со вчерашнего дня, когда Клара пришла к нему со своей проблемой.

– Нет, он не из таких.

– Что же с ним случилось? – умоляющим голосом спросила она, вглядываясь в его лицо. – Есть ли у вас предположения?

Что он мог сказать? Что он должен был говорить? Что Питер Морроу вернулся бы домой, если бы у него была возможность? Что, несмотря на все свои недостатки, Питер – человек слова, и если он по какой-то причине не смог бы явиться лично, то позвонил бы, отправил бы сообщение на электронную почту или написал бы письмо?

Но никаких известий от него не поступало. Ни одного слова.

²³ Это правда (фр.).

– Я должна знать, Арман.

Гамаш отвел взгляд и посмотрел вдаль, на бесконечное пространство леса. Он приехал сюда, чтобы исцелиться и, быть может, спрятаться. И уж точно чтобы отдохнуть.

Поработать в саду, погулять, почитать. Провести время с Рейн-Мари и друзьями. Порадоваться приездам Анни и Жана Ги на выходные. Единственная проблема, которую он хотел решать, – это как подсоединить садовый шланг. А единственная задача – заказать ли на обед в бистро лосося, копченного на кедровой доске, или сыр бри и макароны с базиликом.

– Вам нужна моя помощь? – спросил он наконец, не отваживаясь поднять на нее глаза из опасения, что выдаст себя.

Он взглянул на тень Клары на земле. И тень кивнула.

Гамаш поднял глаза на Клару и тоже кивнул:

– Мы его найдем.

Его голос звучал обнадеживающе, уверенно.

Клара знала: этот же голос слышали многие другие люди, когда инспектор, крупный спокойный человек, стоял перед ними. Сообщал о том, чего они боялись больше всего. И заверял, что найдет монстра, который совершил преступление.

– Вы не можете этого знать. Извините меня, Арман, не хочу показаться неблагодарной, но вы не знаете наверняка.

– *C'est vrai*, – согласился Гамаш. – Но я постараюсь узнать. Хорошо?

Он не спросил, готова ли она услышать ответ на свой вопрос. Он знал: Клара хочет возвращения Питера, но ей дорог ее покой. Она была готова к переменам настолько, насколько это было в ее силах.

– Вы не против? – спросила Клара.

– Вовсе нет.

Она пригляделась к нему:

– По-моему, вы лжете. – И прикоснулась к его большой руке. – Спасибо вам за все. – Она встала, и Гамаш тоже поднялся. – Храбрый человек в храброй стране.

Он не знал, что на это сказать.

– Это молитва из другого «Галаада», – объяснила Клара. – Умиравший отец молится за своего юного сына. – Она задумалась на секунду, вспоминая. Потом процитировала: – «Я буду молиться о том, чтобы ты вырос храбрым человеком в храброй стране. Я буду молиться о том, чтобы ты нашел способ быть полезным»²⁴.

Клара улыбнулась.

– Я надеюсь, что буду полезен, – сказал Гамаш.

– Вы уже принесли немало пользы.

– Кого вы хотите оповестить об этом?

– Ну, теперь можно хоть всем рассказать, – пробормотала она. – С чего мы начнем?

– С чего начнем? Дайте-ка подумать. Возможно, нам удастся много чего выяснить, не выходя из дому. – Гамаш надеялся, что его упования на такой исход не слишком очевидны. Он внимательно посмотрел на Клару. – Вы можете в любой момент остановить поиски.

– *Merci*, Арман. Но если я хочу разобраться в происходящем, мне нужно знать, почему Питер не вернулся домой. Я не жду, что ответ мне понравится, – сказала она напоследок и стала спускаться по склону холма.

Гамаш сел и задумался о молитве умирающего отца за юного сына. А его собственный отец, думал ли он о нем в момент катастрофы? В тот миг, когда понял, что умирает? Думал ли он о своем юном сыне, который ждал дома, когда же блеснет свет фар? Но свет так и не появился.

²⁴ Цитата из книги Мэрилин Робинсон «Галаад».

Неужели он все еще ждет?

Арман Гамаш не хотел быть храбрым. Хватит. Теперь он желал одного – покоя.

Но, как и Клара, он знал, что одно без другого невозможно.

Глава шестая

– Прежде всего, мы должны знать, почему Питер ушел.

Гамаш и Бовуар сидели по одну сторону соснового стола в кухне у Клары, а Клара и Мирна – по другую. Гамаш сложил большие руки на столе. Жан Ги приготовил блокнот и ручку. Они подсознательно вернулись к своим старым ролям и привычкам, выработанным за более чем десятилетний опыт совместной работы.

Бовуар принес свой ноутбук и подсоединился к Интернету через телефонную линию, на случай если им понадобится найти что-нибудь. Пронзительные музыкальные тона, звучавшие при наборе цифр, заполнили кухню. Затем раздался визг, словно Интернет был живым существом и подключение причиняло ему боль.

Бовуар стрельнул в Гамаша остерегающим взглядом: «Не надо, бога ради, не надо опять».

Гамаш ухмыльнулся. Каждый раз, когда они устанавливали телефонную связь с Интернетом (единственный способ подключения, поскольку никакой другой сигнал не проходил в деревню, укрытую в долине), шеф напоминал Жану Ги, что некогда и такой способ казался чудом. А не геморроем.

– Помнится... – начал шеф, и у Бовуара расширились глаза.

Гамаш поймал взгляд зятя и улыбнулся.

Но когда он повернулся к Кларе, его лицо было серьезно.

Он сделал глубокий вдох и окунулся с головой в работу.

Поиски Питера начались.

– Вы знаете, почему он ушел, – сказала Клара. – Я его выгнала.

– Oui, – согласился Гамаш. – Но почему вы это сделали?

– Отношения между нами уже некоторое время были не самыми лучшими. Как вы знаете, карьера Питера зашла в тупик, а моя...

– ...пошла на взлет, – закончила за подругу Мирна.

Клара кивнула:

– Я знала, что Питер борется с этим. Надеюсь, что он преодолеет зависть и будет радоваться за меня, как я радовалась его успехам. И он пытался. Делал вид. Но я понимала, что он вовсе не рад. Ситуация не улучшалась, а ухудшалась.

Гамаш слушал. Питер Морроу многие годы был самым известным художником в этом семействе. Да что говорить, он был одним из самых известных художников Квебека. И даже Канады. Доходы он имел скромные, но на жизнь хватало. Он был опорой семьи.

Работал он очень медленно, мучительно выписывая каждую деталь, тогда как Клара могла за день состряпать картину. Было ли ее создание произведением искусства – этот вопрос оставался открытым.

Если картины Питера были великолепно проработаны по композиции, то в продуктах, которые выходили из мастерской его жены, никакой проработки не наблюдалось.

Творения Клары поражали буйством фантазии. Динамичные, живые, нередко забавные, зачастую загадочные. «Воинственные матки», серия резиновых сапог, непристойные телевизоры...

Даже Гамаш, любивший искусство, не понимал большей части ее работ. Но ему была очевидна радость, которой искрились произведения Клары. Чистая радость творчества. Стремления вперед. Поиска. Исследовательского пыла. Движения.

А потом случился прорыв. «Три грации».

В один прекрасный день Клара решила в очередной раз написать что-нибудь новенькое. На сей раз – картину, на которой будут изображены три пожилые соседки. Подруги.

Беатрис, Кей и Эмили. Эмили, которая спасла Анри. Эмили, которая прежде владела нынешним домом Гамашей.

Три грации. Клара пригласила их к себе в мастерскую, и они позировали ей.

– Позвольте? – спросил Гамаш и показал в сторону мастерской.

Клара встала:

– Конечно.

Все четверо прошли по кухне в мастерскую. Там пахло перезрелыми бананами, краской и до странности резко и привлекательно – скипидаром.

Клара включила свет, и комната ожила. С мольбертов и стен смотрели лица. Один из холстов, завешенный простыней, напоминал детские представления о призраках. Клара укрыла свою последнюю работу от посторонних глаз.

Гамаш направился мимо закрытого холста вглубь мастерской, стараясь не отвлекаться на изображения, которые, казалось, наблюдали за ним.

Он остановился у большого полотна, висящего на дальней стене.

– Все изменилось после этого, да? – спросил он.

Клара кивнула, тоже глядя на картину:

– К лучшему и к худшему. Знаете, это ведь была идея Питера. Я не имею в виду тему. Просто Питер постоянно говорил, чтобы я перестала делать инсталляции и попробовала свои силы в картинах. Как он. И я попыталась.

Они вчетвером смотрели на трех пожилых женщин на холсте.

– Я решила их расписать, – сказала Клара.

– Oui, – пробормотал Гамаш.

Это было и так ясно.

– Нет, – с улыбкой возразила Клара. – Поначалу я действительно хотела их покрасить. Нанести краску прямо на кожу. На голое тело. Беатрис стала бы зеленой. Сердечная чакра. Кей была бы голубой. Горловая чакра. Она много говорила.

– Тараторила без умолку, – подтвердила Мирна.

– А Эмили я покрасила бы в фиолетовый, – произнесла Клара. – Коронная чакра. Тождественность с божеством.

У Бовуара вырвался тихий писк, словно он только что подключился к Интернету. Гамаш проигнорировал это, хотя и заметил, как Жан Ги закатил глаза.

Клара посмотрела на Бовуара:

– Я знаю. Это дурость. Однако они готовы были попробовать.

– И вы их разукрасили? – спросил Бовуар.

– Я бы разукрасила, но обнаружилось, что у меня маловато фиолетовой краски, а я не могла оставить Эмили недокрашенной. Я уже собиралась отослать их домой, но тут Эмили предложила написать групповой портрет. У меня ее идея не вызвала большого энтузиазма. Никогда не делала портреты.

– Почему? – спросил Гамаш.

Клара задумалась.

– Наверное, потому, что это казалось старомодным. Неавангардным. Некреативным.

– Значит, вы хотели расписать самих людей, а не холст? – уточнил Бовуар.

– Именно. Креативно, правда?

– Иначе и не скажешь, – согласился он, а потом пробормотал что-то похожее на «merde».

Гамаш снова повернулся к картине. Он знал всех трех женщин, но то, как Клара их изобразила, всегда поражало его. Они были старыми. Усталыми. Изборожденными морщинами. В удобных, практичных одеждах. Если брать отдельные детали, то ничего примечательного в портрете не было.

Но в целом? Что удалось передать Кларе? Это было умопомрачительно.

Эмили, Беатрис и Кей держались друг за друга. Не хватались. Эти женщины не тонули. Они не цеплялись одна за другую.

Все трое смеялись, искренне радуясь обществу друг друга.

В своем первом портрете Клара сумела запечатлеть человеческую близость.

– Значит, это была ошибка? – спросил Бовуар, показывая на полотно.

– Ну, можно и так сказать, – ответила Клара.

– А что сказал Питер, когда увидел вашу картину? – поинтересовался Гамаш.

– Что она очень хороша, но мне нужно поработать над перспективой.

Гамаш почувствовал вспышку ярости. Он столкнулся с разновидностью убийства. Питер Морроу пытался убить не свою жену, а ее творение. Он явно распознал работу гения и пытался ее уничтожить.

– Думаете, он знал, к чему это приведет? – спросил Бовуар.

– Сомневаюсь, что кто-либо способен предвидеть будущее, – сказала Клара. – Уж я-то точно нет.

– А по-моему, он подозревал, – возразила Мирна. – Я думаю, он посмотрел на «Три грации» и увидел вестготов на седьмом холме²⁵. Он понял, что его мир теперь неизбежно изменится.

– Но почему он не порадовался за Клару? – поинтересовался Гамаш у Мирны.

– Вы когда-нибудь испытывали зависть?

Гамаш задумался. Иногда его обходили по службе. В молодости он влюблялся и бывал отвергнут, а потом обнаруживал, что с предметом его воздыхания встречается приятель, и это больно ранило юное сердце Гамаша. Но чаще всего он чувствовал всепоглощающую губительную зависть, когда видел других мальчишек с родителями.

Он ненавидел их за это. И да простит его Господь, он ненавидел своих родителей. За то, что их нет с ним. За то, что они оставили его.

– Это все равно что выпить кислоту, – сказала Мирна, – и надеяться, что другой человек умрет.

Гамаш кивнул.

Не это ли чувствовал Питер, глядя на полотно Клары? Не тогда ли его впервые захлестнула зависть? Не завернулись ли его внутренности узлом, когда он увидел «Три грации»?

Гамаш неплохо знал Питера Морроу и даже сейчас не сомневался, что тот всей душой любил Клару. И от этого, вероятно, все было только хуже. Любить женщину, но ненавидеть ее творения и бояться их. Питер не желал смерти Клары, но он почти наверняка жаждал погубить ее картины. И делал все возможное, чтобы их уничтожить. Тихим словом, намеком, предположением.

– Вы позволите? – Гамаш показал на закрытую дверь по другую сторону коридора.

– Да, – сказала Клара и повела его за собой.

В мастерской Питера все было на своем месте, аккуратно, чинно. В сравнении с хаосом в мастерской Клары здесь ощущалась безмятежность. Пахло краской и немножко лимоном. Освежитель воздуха, подумал Гамаш. Или лимонный пирог с меренгами.

На стенах висели этюды к тщательно проработанным, блестяще выписанным творениям Питера. В начале своей карьеры Питер обнаружил, что если взять простой предмет и увеличить его, то он приобретает абстрактный вид.

Именно такие вещи он и писал. Ему нравился сам факт того, что нечто привычное, даже натуральное, вроде веточки или листика, может при пристальном рассмотрении выглядеть абстрактным и неестественным.

²⁵ Имеется в виду один из холмов Рима, на котором, по преданию, римский император Гонорий увидел вражескую армию вестготов, захвативших Рим.

Поначалу все шло прекрасно. Его работы, свежие и новые, ворвались в мир искусства, словно смерч. Но минуло десять, двадцать лет, а творения Морроу, по существу, повторялись снова и снова...

Гамаш осмотрел полотна Питера. Они производили сильное впечатление. При первом взгляде. А потом оно блекло. И наконец становилось понятно, что это образцы выдающегося ремесленничества. Питера Морроу нельзя было перепутать с другим художником, вы распознавали его стиль за милю. Восхищались минуту, а потом шли дальше. Его картины обладали притягательностью, может, даже несли послание, но не имели души.

Хотя на стенах мастерской Питера висели работы, помещение казалось холодным и пустым.

Разглядывая эти холсты, Гамаш понял, что перед его глазами все еще стоит картина Клары. Сам образ картины немного потускнел, но впечатление оставалось сильным.

И ведь «Три грации» даже не были лучшим творением Клары. Ее последующие работы лишь обретали большую силу и глубину. Во всем, что они пробуждали.

А работы Питера? Они не вызывали у Гамаша никаких чувств.

Карьера художника Морроу так или иначе сходилась на нет, независимо от того, что случилось с Klarой. Но на фоне ее неожиданного и стремительного восхождения его закат стал тем очевиднее.

Зато с каждым днем росла и расцветала его зависть.

Выйдя следом за Klarой из мастерской, Гамаш обнаружил, что его злость по отношению к Питеру сменилась чувством, похожим на жалость. У бедняги не было ни единого шанса.

– Когда вы поняли, что все кончено? – спросил он.

– Вы говорите о нашем браке? – Клара задумалась. – Вероятно, мне стало все ясно за некоторое время до того, как я приняла решение. Такие вещи вызревают где-то внутри. Но у меня не было уверенности. Казалось невероятным, чтобы Питер чувствовал подавленность из-за моего успеха. Да и время настало какое-то суматошное, столько всего происходило. А Питер всегда протягивал руку помощи.

– Когда тебя преследовали неудачи, – тихо добавила Мирна.

Они вернулись в кухню. Здесь на стенах не висели картины, зато окна выполняли роль произведения искусства: пейзаж Трех Сосен с одной стороны и сад – с другой.

Судя по виду Клары, она собиралась возразить Мирне, но потом передумала:

– Забавно, я так привыкла защищать Питера, что даже сейчас готова это делать. Но ты права. Он никогда не понимал моего искусства. Он мирился с ним. А вот с моим успехом не сумел смириться.

– Наверное, это было больно, – заметил Бовуар.

– Это меня убивало.

– Нет, я имею в виду – для Питера, – уточнил Бовуар.

Клара внимательно взглянула на него:

– Пожалуй.

Она знала, что ему знакомо такое чувство. Пойти против людей, которых ты любишь. Видеть в союзниках угрозу, а в друзьях – врагов. Чувствовать, как ненависть съедает тебя. Пожирает изнутри.

– Вы говорили с ним об этом? – спросил Гамаш.

– Я пыталась, но он всегда все отрицал. Утверждал, что я закомплексована, слишком чувствительна. И я ему верила. – Она покачала головой. – Но потом его чувства стали настолько очевидны, что даже я не смогла больше закрывать глаза на такое отношение.

– И когда это случилось? – поинтересовался Гамаш.

– Я думаю, вы знаете. Вы при этом присутствовали. В прошлом году, когда у меня была персональная выставка в Музее современного искусства в Монреале.

Вершина ее карьеры. То, о чем мечтает любой художник. И внешне Питер радовался за жену, сопровождал ее на вернисаже. С улыбкой на красивом лице. И камнем в сердце.

Гамаш знал: именно это зачастую и становится концом. Не улыбка и даже не камень, а трещина между людьми.

– Давайте-ка подышим свежим воздухом, – сказала Мирна, открывая дверь в сад.

Несколько минут спустя она присоединилась к остальным, прихватив из кухни блюдо с сэндвичами и кувшин холодного чая.

Они уселись в тени кленов на четыре адирондакских кресла, которые неожиданно напомнили Гамашу метки на компасе, указывающие на части света.

Гамаш выбрал сэндвич и откинулся на спинку кресла.

– Вы попросили Питера уйти вскоре после вашей персональной выставки, – вернулся он к разговору.

– После ссоры, которая длилась весь день и всю ночь, – вздохнула Клара. – Я была совершенно вымотана и наконец уснула. Часа в три ночи. Когда я проснулась, Питера рядом не было.

Бовуар мгновенно проглотил сэндвич с паштетом и чатни и подал голос:

– Он ушел?

Стенки стакана с охлажденным чаем, поставленного на широкий подлокотник, запотели.

– Нет. Он сидел на полу в спальне, прислонившись к стене и подтянув колени к подбородку. И смотрел перед собой. Я подумала, что у него нервный срыв.

– Так оно и было? – спросила Мирна.

– Пожалуй. Возможно, даже что-то большее, чем срыв. Посреди ночи он вдруг пришел к выводу, что никогда не завидовал моему искусству.

Мирна фыркнула в стакан, отчего чай брызнул ей на нос.

– Да, – сказала Клара. – Я ему тоже не поверила. После этого мы опять поругались.

Казалось, ей невыносимо даже говорить о случившемся.

Гамаш внимательно слушал ее.

– Если он не завидовал вашему искусству, то как он объяснял проблему?

– Я сама – вот в чем была проблема, – ответила Клара. – Он завидовал мне. Не тому, что на своих картинах я изображала дружбу, любовь и надежду, а тому, что я все это чувствовала.

– А он – нет, – заметила Мирна.

Клара кивнула:

– Он понял в ту ночь, что всю жизнь притворялся, а внутри у него ничего нет. Пустота. Вот почему его живопись лишена содержания.

– Потому что он сам таков, – завершил Гамаш.

В маленьком кружке воцарилось молчание. Вокруг роз и высоких наперстянок жужжали пчелы. Мухи пытались утащить хлебные крошки с пустых тарелок. Неподалеку журчала речушка Белла-Белла.

А они думали о человеке, у которого вместо сердца была пустота.

– И поэтому он ушел? – проронила Мирна.

– Он ушел, потому что я велела. Но...

Они ждали продолжения.

Клара смотрела в сад, и они видели только ее профиль.

– Я ждала его возвращения. – Она неожиданно улыбнулась и повернулась к друзьям. – Я думала, ему будет не хватать меня. Надеюсь, что в разлуке он почувствует себя одиноким и потерянным. Поймет, чего лишился. И вернется.

– А что конкретно вы ему сказали? – спросил Бовуар. – В то утро, когда он ушел?

Вместо пустой тарелки на подлокотнике кресла появился блокнот.

– Я сказала, чтобы он уходил. Но чтобы вернулся через год, и тогда мы посмотрим, получится ли у нас дальше.

– Вы договорились о сроке ровно в год?

Клара кивнула.

– Простите, что задаю такие вопросы, – продолжил Бовуар, – но это крайне важно. Вы назвали дату? Точно обозначили год?

– Абсолютно точно.

– И когда ожидалось его возвращение?

Она назвала день, и Бовуар быстро произвел в уме расчет.

– По-вашему, Питер принял эти условия? – спросил Гамаш. – Его привычный мир рушился. Может быть, он кивал и вроде бы понимал, а на самом деле не отдавал себе отчета в происходящем?

Клара задумалась.

– Полагаю, это возможно, но мы говорили о совместном обеде. Даже запланировали его. И это не могло пройти мимо его сознания.

Она замолчала, вспоминая, как сидела на том самом кресле, на котором сидит сейчас. Стейки поджарены. Салат готов. Вино охлаждено.

Круассаны в бумажном пакете – на кухонном столе.

Всё в ожидании.

– Куда он направился в тот день? – спросил Гамаш. – В Монреаль? К семье?

– Мне это кажется маловероятным, а вам? – ответила вопросом Клара, и Гамаш, который в свое время встречался с родными Питера, не мог не согласиться с ней.

Если у Питера Морроу вместо сердца была пустота, то опустошила его собственная семья.

– Вы уже связывались с семейством Морроу? – поинтересовался Гамаш.

– Нет пока, – сказала Клара. – Я приберегала это на крайний случай.

– Вы знаете, чем занимался Питер все это время? – спросил Бовуар.

– Видимо, писал. Что же еще?

Гамаш кивнул. Что же еще? Без Клары Питеру Морроу оставалось только одно – искусство.

– Куда он мог отправиться? – повторил он прежний вопрос.

– Хотела бы я знать.

– Было какое-то место, которое Питер давно мечтал посетить?

– Для его живописи место не имело значения, – ответила Клара. – Он мог писать где угодно. – Она немного подумала. – «Я буду молиться о том, чтобы ты вырос храбрым человеком в храброй стране». – Она посмотрела на Гамаша. – Когда я произносила сегодня утром эти слова, я думала не о вас. Я знаю, что вам не занимать храбрости. Я думала о Питере. Каждый день молилась о том, чтобы он вырос. И стал храбрым человеком.

Арман Гамаш откинулся на спинку кресла, чувствуя через рубашку тепло деревянных планок, и задумался о словах Клары. О том, куда мог уехать Питер. И что он там нашел.

И требовалась ли ему храбрость.

Глава седьмая

Самый уродливый из людей, живущих на земле, открыл дверь и встретил Гамаша карикатурной улыбкой:

– Арман.

Он протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

– Месье Финни, – склонил голову Гамаш.

Тело старика было искалечено артритом – кривобоко и горбато.

Не без усилий Гамаш выдержал взгляд Финни, по крайней мере одного из его глаз. И даже это далось ему нелегко. Выпученные глаза Финни вращались во всех направлениях, словно в постоянном неодобрении. Соединиться им мешала только луковица фиолетового носа, этакая венозная линия Мажино с громадными траншеями по обеим сторонам, откуда велась и проигрывалась война за жизнь.

– Comment allez-vous?²⁶ – спросил Гамаш, отводя взгляд от этих необузданных глаз.

– Я в порядке, merci. А как поживаете вы? – спросил месье Финни. Его глаза быстро вертелись, оглядывая крупного человека, возвышавшегося над ним. Сканируя его. – Выглядите неплохо.

Прежде чем Гамаш успел ответить, из коридора донесся певучий голос:

– Берт, кто там?

– Друг Питера. Арман Гамаш.

Месье Финни отступил, пропуская Гамаша в монреальский дом, принадлежащий матери и отчиму Питера Морроу.

– Как это мило с его стороны.

Берт Финни повернулся к гостю:

– Айрин будет рада вас видеть.

Он улыбнулся – так могло бы улыбаться спрятавшееся под кроватью чудовище, которого боятся дети, ложась спать.

Но настоящий кошмар был еще впереди.

Когда Гамаш получил серьезное ранение, среди тысяч присланных ему открыток была одна очень красивая, подписанная Айрин и Бертом Финни. Старший инспектор хотя и чувствовал благодарность за пожелания, но понимал, что вежливость не стоит путать с искренней добротой. Первая – следствие воспитания, социальных навыков. Вторая дается от природы.

Один из подписавших открытку сделал это из вежливости, другой – из доброты. И Гамаш прекрасно знал, кто чем руководствовался.

Он последовал за Финни по коридору в светлую гостиную. Мебель здесь представляла собой смесь британской старины и превосходных изделий из квебекской сосны. Старший инспектор, будучи большим почитателем как ранних квебекцев, так и изготовленной ими мебели, старался не слишком откровенно глазеть по сторонам.

На удобном диване лежало покрывало жизнерадостных, но неярких тонов, на стенах висели картины известных канадских художников: Жан-Поля Лемье, Александера Джексона, Кларенса Ганьона.

Но ни одной работы Питера Морроу. Или Клары.

– Bonjour.

Гамаш прошел к креслу у окна. Там сидела пожилая женщина. Айрин Финни. Мать Питера.

²⁶ Как поживаете? (фр.)

Ее мягкие седые волосы были убраны в свободный узел. Глаза светились чистой голубизной. Кожа розоватая, тонкая, изборожденная морщинами. Свободное платье на пухлом теле; любезное выражение на лице.

– Месье Гамаш, – проговорила Айрин Финни приветливо.

Она протянула Гамашу руку, и он пожал ее с легким поклоном.

– Я вижу, вы полностью выздоровели, – заметила она. – Пополнили.

– Хорошая еда и физические нагрузки, – объяснил Гамаш.

– Ну конечно, хорошая еда, – с сомнением произнесла она.

Гамаш улыбнулся:

– Мы живем в Трех Соснах.

– А, тогда все понятно.

Гамаш не стал спрашивать, что понятно мадам Финни, хотя у него возникло такое желание. То был первый шаг в пещеру. А он не испытывал ни малейшего желания проникать в берлогу этой женщины глубже, чем он уже шагнул.

– Что вам принести? – спросил месье Финни. – Кофе? Может, лимонад?

– Нет, спасибо, ничего не надо. К сожалению, это не визит вежливости. Я приехал...

Гамаш сделал паузу. Он не мог сказать «по делу», поскольку больше не занимался делами и не имел личного касательства к вопросу. Пожилая пара смотрела на него. Вернее, смотрела мадам Финни, тогда как ее муж повернул нос в сторону гостя.

Увидев озабоченность, проступающую на лице месье Финни, Гамаш отбросил последние сомнения:

– Я пришел задать вам несколько вопросов.

Облегчение на уродливом лице Финни было очевидным, а черты мадам хранили спокойное учтивое выражение.

– Значит, никаких дурных новостей? – спросил Финни.

Проработав несколько десятилетий в Квебекской полиции, Гамаш привык к подобной реакции. Его воспринимали так же, как незваного ночного гостя, молотящего в дверь, старика-почтальона на велосипеде, доктора с мрачным лицом. Он был хорошим человеком, несущим дурные новости. Когда глава отдела по расследованию убийств приходил в дом, поводом для его визита почти всегда было несчастье. И похоже, этот призрак продолжал преследовать его после отставки.

– Я хотел узнать, слышали ли вы что-нибудь от Питера в последнее время.

– Почему вы спрашиваете? – удивилась мать Питера. – Ведь вы его сосед.

Голос оставался теплым, дружелюбным. Но взгляд стал острее. Гамаш почти услышал скрежет скребка по камню.

Он обдумал ее слова. Она явно не в курсе, что Питер вот уже больше года отсутствует в Трех Соснах. Не знает она и того, что Питер и Клара расстались. Они вряд ли будут ему благодарны, если их взаимоотношения станут предметом досужих разговоров в семье.

– Он уехал в путешествие, скорее всего, ищет вдохновения, – ответил Гамаш. Это, вероятно, было правдой. – Но он не сказал, куда поехал. А мне нужно с ним связаться.

– Почему вы не обратились к Клэр? – удивилась мадам Финни.

– Кларе, – поправил ее муж. – Она, наверное, уехала с ним.

– Однако инспектор не сказал, что уехали «они», – заметила мадам. – Я слышала только «он».

Айрин Финни обратила приветливое лицо к Гамашу. И улыбнулась.

Ни один факт не проходил мимо этой женщины, а истина ее вообще не интересовала. Из нее получился бы великий инквизитор. А вот исследовательской жилки в ней не было. Господь обделил ее любопытством, подарив взамен острый ум и умение находить слабые места.

Как ни старался Гамаш, она нащупала это слабое место. И вцепилась в него.

– Неужели он наконец-то бросил ее? И теперь она хочет вернуть Питера, а вы – ищейка, которая должна его найти и привести в ту деревню.

Три Сосны в ее устах превращались в сомнительные трущобы, а попытка вернуть туда Питера – в преступление против человечности. К тому же она обозвала Армана Гамаша ищейкой. По счастью, Гамаш часто имел дело с собаками-следопытами, а в свой адрес слышал слова и похуже.

Он выдержал взгляд невинных глаз и улыбку мадам Финни. Не возмутился, не отвернулся.

– У Питера есть какое-нибудь любимое место, где он рисует? Может, он мечтал куда-нибудь поехать в детстве?

– Вы ведь не думаете, что я помогу вам найти Питера, чтобы вернуть его жене? – спросила Айрин Финни. Тон ее оставался вежливым. В нем появилась слабая нотка неодобрения, но не более. – Питер мог бы стать величайшим художником своего поколения, если бы жил в Нью-Йорке, или Париже, или даже здесь, в Монреале. Где он смог бы вырасти в профессиональном плане, познакомился бы с коллегами, владельцами и клиентами галерей. Художнику нужны стимулы, поддержка. Клэр это понимала и потому увезла его как можно дальше от культуры. Она похоронила Питера и его талант.

Мадам Финни терпеливо втолковывала все это Гамашу. Просто констатировала факты, которые и без того были бы очевидны, если бы этот крупный человек не был глуповат, туповат и тоже не похоронил бы себя в Трех Соснах.

– Если Питер наконец-то вырвался из ее хватки, я не буду помогать вам в его поисках, – закончила она.

Гамаш кивнул, отвел глаза и скользнул взглядом по стенам. И тут же нашел утешение в образах сельского Квебека. Скалистые, волнообразные, суровые пейзажи, так хорошо ему знакомые.

– Замечательная коллекция, – похвалил он.

Его восторг был искренним. Мадам Финни знала толк в искусстве.

– Спасибо. – Она чуть наклонила голову, принимая комплимент и подтверждая правоту его слов. – Ребенком Питер часами сидел перед этими полотнами.

– Однако у вас нет ни одной его работы.

– Нет. Он еще не заслужил, чтобы его картины висели рядом с этими. – Она повернула голову к стене. – Может, когда-нибудь.

– Что же он должен сделать, чтобы заслужить место на стене? – съязвил Гамаш.

– А-а, извечный вопрос, старший инспектор? Откуда берутся гении?

– Разве я об этом спросил?

– Конечно об этом. Я не окружаю себя посредственными вещами. Когда Питер создаст шедевр, я повешу его на стену. Рядом с остальными.

Работы на стене отличались разнообразием. Александер Джексон, Эмили Карр, Том Томсон. Они словно пребывали в заключении. Повешены до умирания. Как напоминание о сыне, не оправдавшем надежды. Мальчиком Питер сидел перед картинами и мечтал, что в один прекрасный день его работа окажется среди них. Гамаш почти видел того ребенка: аккуратно одетый, с безупречной стрижкой, он сидит на ковре, скрестив ноги. Смотрит на творения гениев. И мечтает создать что-нибудь столь прекрасное, что ему будет гарантировано место в доме матери.

И терпит неудачу.

Эти стены, эти картины стали надвигаться на Гамаша, и ему захотелось уйти. Но он не мог. Пока.

Мадам Финни смотрела на него. Сколько людей заглядывали в ее глаза и видели там гильотину, костер или виселицу?

– У вас здесь одни пейзажи, – сказал Гамаш, не отводя взгляда. – Большинство написано в квебекских деревнях. Эти художники находили там вдохновение, создавали свои лучшие творения. Вы хотите сказать, что музы обитают только в больших городах? Что творчество невозможно в сельской местности?

– Не пытайтесь сделать из меня дурочку, – огрызнулась она, сбросив маску вежливости. – Все художники разные. Я мать Питера. Я знаю его. Кто-то может процветать в глуши, но Питеру необходимы стимулы. Его жена это знала и намеренно его изолировала. Искалечила. Тогда как ему требовались поддержка и поощрение.

– А вы давали ему это? – спросил Гамаш.

Непоседливо бегающие глаза месье Финни сфокусировались на госте. Наступило молчание.

– Я думаю, что поддерживала моего сына больше, чем ваши родители – вас, – сказала мадам Финни.

– У моих родителей, как вам известно, не было такой возможности. Они погибли, когда я был ребенком.

Она в упор смотрела на него.

– Я все время спрашиваю себя, как бы они отнеслись к вашему выбору профессии. Полицейский... – Мадам разочарованно покачала головой. – Да к тому же полицейский, которого пытались убить коллеги. Вряд ли это можно назвать успехом. Кстати, вас ведь, кажется, ранил ваш же инспектор? Это правда?

– Айрин, – произнес месье Финни, в его обычно кротком голосе послышалась предостерегающая нотка.

– Если уж быть справедливым, то я тоже стрелял в одного из моих коллег. Видимо, такая уж карма.

– Убили его, насколько я помню. – Она смерила Гамаша гневным взглядом. – В лесу у той самой деревни. Неужели вас не преследует это видение каждый раз, когда вы там проходите? Если, конечно, вы не гордитесь содеянным.

Как же случилось, что он все-таки оказался в пещере? И затащило его туда улыбающееся ловкое существо. Затащило и выпотрошило.

И еще не закончило своего дела.

– Интересно, что бы сказали родители, узнав о решении сына уйти в отставку. Убежать и спрятаться в той деревне. Вы говорите, что Питер потерпел неудачу? Но он, по крайней мере, не опускает рук.

– Вы совершенно правы, – ответил Гамаш. – Я никогда не узнаю, что бы сказали родители о моем выборе.

Он протянул ладонь. Она пожала ее, и Гамаш наклонился, приблизив губы к уху мадам. Он почувствовал, как ее волосы щекожут его щеку, вдохнул запах духов «Шанель № 5» и детской присыпки.

– Однако я знаю, что мои родители меня любили, – прошептал он, потом немного отстранился, чтобы видеть ее глаза. – А Питер знает?

Гамаш выпрямился, кивнул месье Финни и пошел по темному коридору к выходу из этого дома.

– Пойдите...

Гамаш помедлил у двери, повернулся и увидел, что Финни ковыляет к нему.

– Вы беспокоитесь о Питере? – спросил старик.

Гамаш посмотрел ему в глаза и кивнул:

– Было какое-то место, куда он ездил ребенком? Какое-то особое для него место? Любимое? – Он помедлил. – Безопасное?

– Вы имеете в виду реальное место?

– Да. Когда человек переживает трудные времена, его тянет туда, где он был счастлив когда-то.

– И вы считаете, что Питер переживает трудные времена?

– Да.

Финни задумался, потом покачал головой:

– К сожалению, ничего такого мне не приходит на ум.

– Mercі, – сказал Гамаш.

Он пожал руку Финни и вышел, стараясь идти размеренным шагом. Стараясь не спешить. Хотя ему и хотелось побыстрее оказаться подальше от этого дома. Он почти слышал, как Эмили Карр, Александер Джексон и Кларенс Ганьон зовут его. Умоляют забрать с собой. Умоляют ценить их, а не держать просто за их ценность.

Сев в машину, Гамаш перевел дыхание, вытащил телефон и увидел послание от Бовуара. Жан Ги приехал с ним в Монреаль, и Гамаш высадил его возле управления.

«Ланч?» – спрашивал Жан Ги.

«„Май Сян Юань“, Чайна-таун», – ответил Гамаш.

Через минуту его телефон заверещал. Жан Ги прислал ответ, что будет ждать его там.

Вскоре за мантами они смогли сравнить записи.

Глава восьмая

Жан Ги Бовуар проделал в верхушке манта отверстие и налил туда соевый соус. Потом подцепил мантик ложкой и заправил в рот.

– Мм!

Гамаш проследил за ним, радуясь хорошему аппетиту Жана Ги.

Потом подхватил палочками креветку и мантик с кинзой и съел.

Бовуар отметил, что рука шефа больше не дрожит. По крайней мере, заметно. Перестала дрожать.

Захудалый ресторанчик в Чайна-тауне заполнялся посетителями.

– Вавилонское столпотворение, – проговорил Жан Ги, стараясь перекричать шум.

Гамаш рассмеялся.

Бовуар отер подбородок бумажной салфеткой и заглянул в блокнот, лежащий на ламинованной столешнице рядом с тарелкой.

– Итак, вот что мы имеем, – сказал он. – Я проверил на скорую руку движение кредиток и банковских карточек Питера. Уехав от Клары, он около недели провел в отеле в Монреале. Снимал двухкомнатный номер в «Кристалле».

– Двухкомнатный? – переспросил Гамаш.

– Но не из самых больших.

– Значит, он все же не стал облачаться во власяницу, – заметил Гамаш.

– Да. Если кашемировый костюм не считать власяницей.

Гамаш улыбнулся. По стандартам семейства Морроу изысканный отель «Кристалл» считается, вероятно, подобием хлева. Он не идет ни в какое сравнение с «Рицем».

– А потом? – спросил Гамаш.

– Рейс «Эйр Канада» до Парижа. Географический симптом? – предположил Бовуар.

Гамаш подумал немного:

– Не исключено.

Следователи знали, что отчаявшиеся люди бегут от несчастья. От одиночества. От неудач. Они бегут, предполагая, что вся беда здесь. Думают, что где-нибудь в другом городе начнут с чистого листа.

Из этого редко что-то получается. Проблема не в географии.

– Где он остановился в Париже?

– В отеле «Ориан». В Пятнадцатом округе.

– *Vraiment?*²⁷ – удивился Гамаш.

Он хорошо знал Париж. В Шестом округе Парижа, в крохотной квартирке, жил его сын Даниель с семьей – женой Розлин и двумя детьми.

– Вы ждали чего-то другого, *patron*? – спросил Жан Ги, который на вечеринках притворялся, будто знает Париж, хотя это было не так.

Еще он прикидывался, будто не знает восточную окраину Монреалья²⁸. И это тоже не соответствовало действительности.

Но с Гамашем он давно уже перестал притворяться.

– Пятнадцатый округ – хороший район, – кивнул Гамаш. – Обжитой. Многонаселенный.

– Не сказать, что богемный.

– Именно, – подтвердил Гамаш. – И сколько он там оставался?

Бовуар посмотрел в свои записи:

²⁷ Правда? (*фр.*)

²⁸ Восточная окраина Монреалья до недавнего времени считалась бедной окраиной города.

– В отеле? Несколько дней. Потом он четыре месяца снимал квартиру. Уехал незадолго до окончания срока аренды.

– Куда?

– Судя по кредитке, он купил билет на скоростной поезд в один конец во Флоренцию, а еще через две недели – в Венецию, – продолжил Бовуар. – Решил поехать по свету.

Да, подумал Гамаш. Гончие хватили Питера Морроу за пятки. В этой гонке по Европе Гамаш видел намек на отчаяние. Похоже, никакого плана в метаниях Питера не было.

Однако то, что Питер выбирал города, знаменитые своими художниками, не походило на случайность.

– Пока у меня есть только кредитные карточки и банковские выписки, – сказал Бовуар. – Мы знаем, что из Венеции он полетел в Шотландию...

– В Шотландию?

Бовуар пожал плечами:

– Да. А оттуда – назад в Канаду. В Торонто.

– Он и сейчас там?

– Угадайте, куда он отправился из Торонто.

Гамаш строго посмотрел на Бовуара. После посещения матери и отчима Питера он не испытывал желания играть в угадайку.

– В Квебек-Сити.

– Когда это было? – спросил Гамаш.

– В апреле.

Гамаш быстро прикинул: четыре месяца назад. Поставив чашку с зеленым чаем, он воззрился на Бовуара.

– В Квебек-Сити он снял со своего банковского счета три тысячи долларов.

Бовуар оторвался от своих записей и медленно закрыл блокнот.

– А потом – ни следа. Он исчез.

Клара и Мирна сидели в гостиной Гамашей. В камине горели дрова, Гамаш разливал напитки. Холодный воздушный фронт принес с собой противный дождь.

Вообще-то, особой нужды в камине не было. Гамаш растопил его, чтобы взбодриться, а не для тепла.

Анни ушла обедать со своей приятельницей Доминик в бистро, оставив родителей и мужа разговаривать с Кларой.

– Прошу. – Гамаш подал Мирне и Кларе стаканы с виски.

– Вы бы лучше принесли бутылку, – буркнула Клара.

У нее было выражение испуганного авиапассажира, который во все глаза смотрит на стюардесс во время взлета. Пытается прочесть по их лицам, не случилось ли чего-нибудь.

«Нам ничто не угрожает? Все идет нормально? Что это за запах?»

Гамаш сидел рядом с Рейн-Мари, а Бовуар притащил из угла старинное «ушастое» кресло, замкнув их маленький круг.

– Вот что мы нашли, – сказал Гамаш. – Пока фактов немного, и какие-то выводы делать преждевременно.

Кларе не понравилась такая формулировка. Попытка успокоить, утешить. Значит, утешение необходимо. Значит, что-то все-таки случилось.

Значит, этот запах – запах дыма, а этот звук издает вышедший из строя двигатель.

Арман и Жан Ги рассказали им о том, что удалось узнать. Услышав о визите к матери Питера, Клара сделала глубокий, очень глубокий вдох.

Мирна, сидевшая напротив нее, впитывала информацию на тот случай, если Клара упустит какие-то важные моменты.

– Покинув деревню, Питер отправился на несколько дней в Монреаль, а потом улетел в Париж, – сообщил Жан Ги. – Оттуда он уехал во Флоренцию, а потом в Венецию.

Клара кивнула, давая понять, что следит за его рассказом. Пока ничего страшного.

– Из Венеции Питер улетел в Шотландию, – продолжил Бовуар.

Клара перестала кивать:

– В Шотландию?

– Что он забыл в Шотландии? – удивилась Мирна.

– Мы надеялись, что вы нам скажете, – обратился Гамаш к Кларе.

– В Шотландию, – тихо повторила Клара, уставившись на камин. Потом тряхнула головой. – Куда именно?

– На карте проще увидеть. Давайте я вам покажу.

Гамаш поднялся с низкого дивана и минуту спустя вернулся с атласом. Раскрыл его на кофейном столике и нашел нужную страницу.

– Он улетел в Глазго. – Арман указал точку.

Все склонились над картой.

– Там Питер сел на автобус.

Он провел черту от Глазго на юг. Все дальше на юг. По петляющей дороге. Мимо городков с названиями Беллсхилл, Лесмахагоу, Моффат.

Тут он остановился.

Клара наклонилась пониже:

– Дамфрис?

Она нахмурила брови, пытаясь прочесть слово, или понять его значение, или и то и другое. Наконец она выпрямилась и посмотрела на Гамаша:

– Вы уверены?

– Абсолютно, – ответил Бовуар.

Последовала пауза.

– Может, это был не Питер? Может, кто-то похитил его кредитку? – спросила Клара. – И его паспорт?

Она встретила взгляд Армана. И не отвела глаз, понимая, к чему ведут ее вопросы. Любой живой человек, потерявший документы или ограбленный, обязательно сообщил бы в полицию. Если же такого сообщения не последовало, значит владелец документов мертв.

– Это возможно, – признал Гамаш. – Но маловероятно. Преступник должен был знать его пин-коды и быть похожим на него. Агенты службы безопасности и миграционной службы теперь внимательно сличают фотографию на паспорте с оригиналом.

– И все же такая вероятность существует? – настойчиво повторила Клара.

– Очень малая. Мы подключили агентов, чтобы проверили, – сказал Бовуар. – И мы исходим из наиболее вероятного сценария, что это был сам Питер.

– Но как мог Питер покинуть Венецию ради Дамфриса? – спросила Мирна.

– Я согласен, это странно, – кивнул Гамаш. – Если только у Питера не имелось какого-то особого интереса к Шотландии.

– Ни о чем таком он не упоминал, – сказала Клара. – Хотя шотландский виски он не любит.

Мирна улыбнулась:

– Может, все и в самом деле просто. В Париж за прекрасным вином, во Флоренцию за «Кампари», в Венецию за... – Она запнулась.

– За «Беллини», – подхватила Рейн-Мари. – Мы как-то пили этот коктейль в «Баре Гарри», где его и придумали. Ты помнишь, Арман?

– Мы сидели в баре на набережной и смотрели, как проплывают мимо вапоретто, – припомнил он. – Коктейль называли так по цвету мантии на одной из картин Беллини. Он розовый.

- Розовый? – протянул Жан Ги.
- Вы предполагаете, что Питер проехал всю Европу, пьянствуя? – спросила Клара. – Гранд-тур а-ля Рут Зардо?
- Не смотрите на меня, – сказал Гамаш. – Это не моя гипотеза.
- Тогда какая у вас гипотеза? – хмыкнула Клара.
- Гамаш помрачнел, глубоко вздохнул:
- У меня пока ее нет. Слишком рано. Но в одном я уверен, Клара. Каким бы странным это ни казалось, у Питера были причины посетить эти города. Только нужно понять их.
- Клара снова склонилась над столом, глядя на точку на карте:
- Он все еще там?
- Бовуар покачал головой:
- Оттуда он улетел в Торонто...
- Он в Торонто? – перебила его Клара. – Почему же вы мне сразу не сказали? – Однако, увидев их лица, она запнулась. – Что случилось?
- Он там не задержался, – ответил Гамаш. – В апреле Питер улетел из Торонто в Квебек-Сити.
- И того лучше, – обрадовалась Клара. – Он возвращается домой.
- В Квебек-Сити, – повторил Гамаш. – Не в Монреаль. Если бы он собирался домой, то отправился бы в Монреаль, поп?
- Клара на мгновение возненавидела его. Ну почему ей не позволяют хоть ненадолго остаться со своими иллюзиями?
- Может, он просто хотел посмотреть Квебек-Сити, – выпалила она как из пулемета. – Хотел его нарисовать, пока ждет... – Она запнулась. – Пока ждет возвращения домой.
- Но он не вернулся.
- В апреле он снял три тысячи долларов со своего банковского счета, – сказал Жан Ги, чтобы поскорее покончить с этим.
- Потом замолчал и посмотрел на Гамаша.
- Это последнее, что удалось узнать о нем, – добавил Арман.
- Клара замерла. Мирна положила свою большую ладонь на ее руку и почувствовала, какая она холодная.
- Может, он все еще там, – пробормотала Клара.
- Oui, – сказал Гамаш. – Безусловно.
- Где он остановился?
- Мы не знаем. Но пока еще рано. Вы правы, он вполне может находиться в Квебек-Сити. Но с тем же успехом он мог взять деньги и отправиться еще куда-нибудь. Изабель Лакост использует ресурсы Квебекской полиции, чтобы его найти. Жан Ги занят его поисками. Я тоже. Но это займет какое-то время.
- Рейн-Мари подбросила в камин полено, отчего по топке разлетелись искры. Потом она ушла в кухню.
- Оттуда донесся запах запеченного лосося с ароматами эстрагона и лимона.
- Клара встала:
- Я еду в Квебек-Сити.
- Зачем? – Мирна тоже поднялась. – Я знаю, ты хочешь что-то делать, но толку от этого никакого.
- Откуда ты знаешь? – огрызнулась Клара.
- Гамаш тоже встал:
- Есть кое-что, что вы могли бы сделать. Не уверен, что из этого что-нибудь получится, но попытаться можно.
- Что?

- У Питера в Торонто есть родня...
- Его старший брат Томас и сестра Марианна, – подтвердила Клара.
- Я собирался позвонить им завтра и спросить, не выходил ли Питер на контакт. Может, он у кого-то из них останавливался.
- Вы хотите, чтобы я им позвонила?
- Немного помешкав, он сказал:
- Вообще-то, я подумал, что вы могли бы туда съездить.
- Зачем? – спросила Клара. – Разве нельзя просто позвонить? Вы ведь собирались.
- Верно, но беседовать с глазу на глаз всегда лучше. Особенно когда вы знаете тех, с кем разговариваете. – Гамаш посмотрел на Клару. – Мне кажется, вы сразу поймете, если они начнут лгать.
- Пойму.
- Но какое это имеет значение? – произнесла Мирна, когда они дружно двинулись в кухню к Рейн-Мари. – Его там все равно уже нет.
- Однако несколько месяцев он там провел, – возразил Гамаш. – Он мог рассказать брату или сестре, куда собирается ехать и почему. Мог сказать им, что делал в Дамфрисе.
- Гамаш остановился и посмотрел на Клару.
- У нас нет никаких зацепок в Квебек-Сити, а в Торонто они есть. И могут оказаться полезными. Или нет.
- Я поеду, – решила Клара. – Конечно поеду. Завтра прямо с утра.
- У нее словно гора упала с плеч: наконец-то можно не только беспокоиться, но и что-то делать.
- Тогда я поеду с тобой, – раздался голос Мирны.
- А магазин? – спросила Клара.
- Я думаю, что все эти полчища жаждущих купить старую книгу подождут день-другой, – откликнулась Мирна, доставая ножи и вилки. – Попрошу Рут приглядеть за магазином. Она все равно большую часть дня спит в кресле у окна.
- Так это Рут? – изумилась Рейн-Мари. – А я думала, манекен.
- Клара села и размазала лосося по тарелке. Пока остальные разговаривали, она слушала, как дождь барабанит по стеклу.
- Ей не терпелось отправиться в путь.

Глава девятая

Клара и Мирна успели на утренний поезд, отправлявшийся с центрального вокзала в Монреале.

Клара прислушалась к стуку колес и ощутила знакомое успокаивающее покачивание. Она откинулась на спинку сиденья, удобно устроив голову на подголовнике, и стала смотреть в окно на леса, поля и фермы.

Она много раз проделывала это путешествие. Сначала одна, в Торонтский колледж искусств. Замечательное приключение. Потом – с Питером на художественные выставки. Всегда его выставки, не ее. Престижные выставки, куда его картины отбирались специальным жюри. Клара сидела рядом с Питером, держала его за руку. Радовалась за него.

Сегодня поезд казался одновременно знакомым и чужим. Питера рядом не было.

В расплывчатом зеркале оконного стекла она заметила, что Мирна смотрит на нее. Клара повернулась к подруге:

– Что?

– Ты хочешь, чтобы Питер вернулся?

Мирне уже некоторое время хотелось задать этот вопрос, но она все никак не могла уловить подходящий момент. И вот такой момент настал.

– Не знаю.

Не то чтобы Клара не могла ответить на вопрос подруги, просто ответов у нее было слишком много.

Просыпаясь утром в одиночестве, она хотела его возвращения.

Работая в своей мастерской, не хотела.

С друзьями в бистро или за обедом она совсем не тосковала по Питеру.

Но когда ела в одиночестве дома? Когда лежала одна в своей кровати? Она все еще иногда разговаривала с ним. Рассказывала о том, как провела день, делая вид, что он рядом. Делая вид, что ему не все равно.

Потом она выключала свет, поворачивалась на бок. И тосковала по нему еще сильнее.

Хотела ли она его возвращения?

– Не знаю, – повторила Клара. – Я попросила его уйти, потому что чувствовала его равнодушие, потому что он перестал меня поддерживать. Но не потому, что он стал мне безразличен.

Мирна кивнула. Она знала чувства Клары. За прошедший год они много разговаривали о Питере. Дружба стала еще более тесной, Клара открывала ей тайники своей души.

Все, что переполняло ее, все, что женщины вроде бы не должны чувствовать и тем более показывать, – все это Клара доверила Мирне.

Слабость, страх, злость. Ужасное, мучительное одиночество.

– А если мне больше никогда не придется его целовать? – спросила как-то раз Клара зимним вечером, когда они сидели за ланчем перед камином.

Мирне тоже был знаком этот страх. Ей были известны все опасения Клары, потому что она их разделяла. И признавалась в этом Кларе.

И с течением времени, по мере того как дни становились длиннее, их дружба укреплялась. Ночи становились короче, и страхи отступали. Одиночество обеих женщин перестало быть таким нестерпимым.

«Ты хочешь, чтобы Питер вернулся?»

Мирна задала Кларе вопрос, который та побаивалась себе задавать.

В окне, за которым бесконечно тянулись леса, Мирна видела собственное призрачное отражение.

– А если с ним что-то случилось? – спросила Клара, уткнувшись в спинку кресла переднего ряда. – Я себе не прощу.

– Нет, – сказала Мирна. – Ты всего лишь попросила его уйти. То, что он делал после этого, было его собственным выбором.

– Но останься он в Трех Соснах, с ним ничего бы не случилось.

– Если только у него не было назначено свидание в Самарре.

– В Самарре? – Клара повернулась к подруге. – Ты это о чем?

– О Сомерсете Моэме.

– У тебя крыша поехала? – поинтересовалась Клара.

– Моэм пересказал эту историю в одной из своих пьес²⁹, – объяснила Мирна. – Я ведь читаю целыми днями, ты не забыла? Я знаю все такие темные дела. Мне повезло, что я не работаю в пекарне у Сары.

Клара рассмеялась:

– Я просто хочу его найти, узнать, что он жив-здоров. А там уж я буду продолжать жить по-своему.

– С ним или без него?

– Я думаю, что пойму, когда его увижу.

Мирна легонько похлопала Клару по руке:

– Мы его найдем.

Приехав в Торонто, они остановились в отеле «Ройял Йорк». Мирна приняла душ. Когда она вышла, Клара сидела за ноутбуком.

– Я пометила на карте все ведущие картинные галереи, – сказала Клара, полуобернувшись и кивая на карту, лежащую на ее кровати. – Мы можем обойти их завтра.

Мирна села на кровать и, вытирая мокрые волосы, стала разглядывать карту с крестиками и кружочками.

– Я подумала, что нужно начать с брата и сестры Питера, – продолжила Клара. – Офис Томаса неподалеку, на Янг-стрит. Он назначил встречу на четыре. Марианна придет в бар отеля в половине шестого.

– Ты времени даром не теряла, – заметила Мирна. Она встала, чтобы посмотреть на страницу, которую Клара читала на мониторе. – Что тут у тебя интересного?

И тут у нее перехватило дыхание.

Наверху страницы было написано: «Уильям Сомерсет Моэм».

– «Слуга отправился на базар в Багдаде, – прочла Клара с экрана, сидя спиной к подруге. – Там его толкнула старая женщина. Он повернулся и узнал Смерть».

– Клара, – пробормотала Мирна, – я не...

– «Смерть пристально посмотрела на него, и слуга, испуганный, убежал. Он пошел прямо к хозяину и рассказал ему, что на базаре встретил Смерть и что ему нужно бежать, чтобы спастись. Хозяин дал ему коня, и слуга во весь опор поскакал в Самарру, уверенный, что там Смерть его не найдет».

– Я не знаю, почему вдруг вспомнила...

Клара сделала еле заметное движение рукой, и Мирна замолчала.

– «Позднее в тот же день хозяин пошел на базар и тоже встретил Смерть, – продолжила читать Клара. – Он спросил у нее, зачем она напугала его слугу, и Смерть объяснила, что вовсе не хотела пугать его. Просто она удивилась».

Клара повернулась и посмотрела на Мирну:

– Закончи эту притчу. Ты ее знаешь.

– Мне вообще не нужно было говорить...

²⁹ В конце пьесы «Шеппи».

– Прошу тебя, – настаивала Клара.

Наконец Мирна тихо заговорила:

– Смерть сказала: «Я просто удивилась, увидев его на базаре. Потому что у меня назначено свидание с ним сегодня вечером. В Самарре».

– Ты достала фотографию Питера? – спросил Гамаш у Лакост.

– Oui. И отправила ее в Квебек-Сити, – ответила она. – Они обещали этим заняться. Я также разослала ее по отделениям Квебекской полиции и в полицию Парижа, Флоренции и Венеции. Это было почти год назад, так что многого ждать не приходится, но попробовать стоит.

Гамаш улыбнулся. Многие считали, что он сошел с ума или подсел на таблетки, когда он назначил женщину-инспектора, которой едва исполнилось тридцать, своим преемником – главой знаменитого отдела по расследованию убийств. Но он настоял на своем. И ни на минуту не усомнился в том, что сделал правильный выбор.

– Хорошо.

Он уже хотел отключиться, как вдруг вспомнил:

– Ах да, еще Дамфрис. Ты бы не могла и с ними связаться?

– Конечно. Я забыла.

Гамаш повесил трубку, несколько раз постучал по аппарату пальцем. Потом сел к компьютеру и вышел в Интернет.

Набрал в «Гугле» «Дамфрис».

– Что ж, это было не слишком полезно, – сказала Мирна. – Он всегда такой?

Они спустились на лифте и вышли в вестибюль «ТД Бэнк Тауэр»³⁰. Мирна остановилась на секунду, чтобы восхититься творением Миса ван дер Роэ. Свет и высота. Контраст с тесным, замкнутым пространством на пятьдесят втором этаже, которое они только что покинули.

Томас Морроу был элегантен, высок, любезен. В каком-то смысле он олицетворял собой неординарное здание. Вот только в нем не было ничего открытого и яркого.

Офисное здание было больше, чем казалось снаружи. Томас Морроу был меньше.

– Хуже, – ответила Клара. – Я думаю, в твоём присутствии он старался выглядеть лучше, чем обычно.

– Ты шутишь, – сказала Мирна.

Их каблуки постукивали по мраморному полу. Часы над длинным мраморным столом службы безопасности показывали четыре часа тридцать пять минут. Томас Морроу заставил свою невестку прождать двадцать минут, а потом уделил ей десять минут своего времени, прежде чем перейти к более насущным вопросам, чем пропавший брат.

– Я уверен, с Питером все в порядке, – проговорил Морроу со снисходительной улыбкой. – Ты же его знаешь. Отправился куда-нибудь рисовать и забыл обо всем на свете.

Мирна ничего не говорила, просто смотрела на Томаса Морроу. На ее взгляд, ему было немногим больше шестидесяти. Он сидел, раздвинув ноги, демонстрируя посетительницам свой пах. На Томасе был прекрасно скроенный костюм с шелковым галстуком. Его кресло стояло спинкой к окну, а значит, входящие видели господина Морроу на фоне громадных черных небоскребов и сверкающего огромного озера вдали.

Он напоминал монарха, окруженного символами власти, призванными скрыть его слабость.

Клара еле сдерживала ярость.

³⁰ «ТД Бэнк Тауэр» – офисный центр в Торонто. Консультантом проекта этого небоскреба был архитектор Людвиг Мис ван дер Роэ, немецкий архитектор-модернист.

– Ты наверняка прав, но мне хотелось бы узнать, видел ли ты его, когда он был в Торонто. Томас покачал головой:

– Я и не ждал, что он свяжется со мной. Как видишь, у меня на стенах нет картин.

Он не без гордости показал на ряд фотографий. Там были запечатлены не родные и не друзья, а торжества в связи с бизнес-достижениями. Кубки победителя гольф-турниров. Знаменитости, с которыми он встречался.

Чужие люди.

– Он, вероятно, ходит по выставкам и посещает галереи, – сказал Томас Морроу. – Ты туда не заглядывала?

– Хорошая идея, – ответила Клара с натянутой улыбкой. – Спасибо тебе.

Морроу поднялся и пошел к двери:

– Рад, что сумел помочь.

Вот и все.

– Можно было просто позвонить, – сказала Мирна, когда они вышли в топку торонтского лета.

Стены зданий излучали жар, солнечные лучи отражались от бетона и проникали в тротуар, отчего в тяжелом влажном воздухе висел запах асфальта.

Удивительно, но Мирна начала успокаиваться. Ее мать и бабушку умиротворяли запахи скошенной травы, теплой выпечки, едва ощутимый аромат свежевystиранного белья, сохнущего на веревке. Для поколения Мирны привычными стали искусственные запахи. Плавающий асфальт означал лето. «Вейпораб»³¹ означал зиму и заботу. А еще были порошковый лимонад и газировка, а также запах краски старого ризографа.

Все эти запахи утешали ее по причинам, которые требовали понимания, потому что к пониманию они не имели никакого отношения.

После нескольких лет, проведенных в Трех Соснах, ее пристрастия стали меняться. Она по-прежнему любила запах «Вейпораба», но теперь ценила также запах червей, выползающих после дождя.

– Мне хотелось видеть его, – сказала Клара, пока они ждали с толпой других потеющих людей, когда загорится зеленый свет. – Чтобы понять, не лжет ли он, не утаивает ли что-то от меня.

– И как? Ты думаешь, он видел Питера или разговаривал с ним?

– Вряд ли.

Мирна задумчиво спросила:

– Почему он сказал про стены?

Впереди виднелся впечатляющий фасад отеля «Ройял Йорк». Громадный анахронизм у подножия современного города. И Мирна уже предвкушала вкус пива, которое она вскоре будет пить.

– Кто знает, почему Морроу говорят то или иное, – ответила Клара, остановившись у двери старого отеля.

Швейцар, потеющий в своей униформе, ухватился за ручку, готовый открыть для них дверь.

– Наверное, этим он хотел унизить Питера, – сказала Мирна. – Его, мол, больше интересует искусство, чем брат.

– И он был бы прав, – заметила Клара.

– Давай-ка выпьем пива, – предложила Мирна и направилась напрямиком в бар.

³¹ «Вейпораб» – согревающая мазь для растирания при простуде.

Глава десятая

Рейн-Мари сунула толстую книгу под мышку и вышла в сияние дня.

– Внутри или снаружи, *ma belle*?³² – спросил Оливье.

Она огляделась и выбрала столик на террасе, под громадным уличным зонтом.

Оливье вернулся через несколько минут с орешками-ассорти и высоким стаканом имбирного пива, мгновенно запотевшим в такую жару.

– *Parfait*, – сказала Рейн-Мари. – *Merci*³³.

Она сделала глоток и погрузилась в чтение, оторвавшись от книги только двадцать минут спустя, когда ей на колени легла чья-то голова.

Анри.

Она потрепала его по огромным ушам, поцеловала в лоб.

– Надеюсь, это ты, Серхио.

– Прости, но это всего лишь я, – рассмеялся Арман.

Он подтащил к столику стул и кивнул Оливье, который исчез внутри бистро.

– «История Шотландии», – прочел Гамаш надпись на обложке книги. – Внезапная страсть?

– Почему Дамфрис, Арман? – спросила Рейн-Мари.

– Я сам пытаюсь понять. Весь Интернет облазил.

– Нашел что-нибудь?

– Ничего стоящего, – признал он. – Распечатал кое-что. – Он положил листы на стол. –

А ты?

– Да я только начала читать.

– Где ты ее взяла? – спросил Гамаш. – У Рут? – Он посмотрел на дверь магазина Мирны.

– У Розы. Рут спала в разделе «Философия».

– Спала, или вырубилась, или...

– Умерла? – подхватила Рейн-Мари. – Нет, я проверила.

– А что ей сделается? – фыркнул Оливье и поставил стакан с имбирным пивом перед Гамашем.

– *Merci, patron*, – пробормотал Гамаш.

Они прихлебывали пиво, рассеянно заедали его орешками и читали о шотландском городке.

– Боже мой, – сказала Мирна, оглядываясь.

Она остановилась как вкопанная в дверях бара в отеле «Ройял Йорк», чем вызвала небольшой затор.

– Сколько вас? – спросила ее молодая женщина.

– Трое, – ответила Клара, выглядывая из-за мощной фигуры Мирны.

– Прошу за мной.

Две истекающие потом женщины двинулись за строгим стройным метрдотелем. Мирна чувствовала себя гигантом. Громадным, неповоротливым, растрепанным и немислимым. И вообще, она была где-то в другом месте, невидимая за сиреной, ведущей их к столику.

– *Merci*, – поблагодарила Клара в силу привычки, забыв, что это англоязычный Онтарио, а не франкоязычный Квебек.

³² Моя красавица (*фр.*).

³³ Отлично. Спасибо (*фр.*).

– Боже мой, – снова прошептала Клара, плюхаясь в шикарное «ушастое» кресло, обитое розоватым жатым бархатом.

Бар практически представлял собой библиотеку. Здесь удобно чувствовал бы себя Диккенс. Здесь мог бы найти полезную книгу Конан Дойль. Здесь могла бы сидеть за чтением Джейн Остин. И напиток при желании.

– Пиво, пожалуйста, – сказала Мирна.

– Два, – уточнила Клара.

Им казалось, будто из раскаленного, душного Торонто двадцать первого столетия они шагнули в прохладный сельский домик века девятнадцатого.

Пусть они и стали гигантами, но здесь была их естественная среда обитания.

– Значит, ты думаешь, у Питера было «свидание в Самарре»? – спросила Клара.

Голос ее звучал слишком ровно. Из своей многолетней практики Мирна знала, что именно так говорят люди, пытающиеся скрыть эмоции. Подавить их, выровнять, а через них и свои слова и голоса. Отчаянная попытка представить нечто ужасное как обыденное.

Но глаза Клары выдавали ее. Они молили Мирну об утешении.

Питер жив. Он рисует. Просто потерял счет времени.

Беспокоиться не о чем. Он и слыхом не слыхивал о Самарре.

– Извини, что ляпнула глупость, – сказала Мирна, улыбаясь официантке, которая принесла им пиво.

Все остальные в баре, похоже, пили какой-то мудреный коктейль.

– Однако ты это имела в виду? – не отступала Клара.

Мирна немного помедлила, глядя на подругу.

– Мне кажется, история Моэма не столько о смерти, сколько о судьбе. У каждого из нас свое «свидание в Самарре».

Она поставила стакан и наклонилась над столиком красного дерева, понизив голос, так что Кларе тоже пришлось податься вперед, чтобы расслышать ее.

– Но вот в чем я абсолютно уверена, так это в том, что жизнь Питера принадлежит ему. Останется ли он на базаре, поскачет ли в Самарру – это его судьба. Не твоя. Вот скажи, ты стала бы ставить себе в заслугу что-нибудь замечательное, сделанное Питером за прошедший год?

Клара отрицательно покачала головой.

– Но при этом ты считаешь, что виновата, если случилось что-то плохое.

– А ты думаешь, что-то случилось?

Мирна, слегка раздраженная, хотела возразить, что говорит не об этом. Но, посмотрев на Клару, она поняла, что ее слова не дойдут до подруги, которой сейчас нужно только одно, и это не имеет отношения к логике.

– Нет, – сказала Мирна, взяв Клару за руку. – Я уверена, что с ним все в порядке.

Клара глубоко вздохнула, сжала руку подруги и откинулась на спинку кресла.

– Правда? – Она взглядела в глаза Мирны, но не слишком глубоко и недолго.

– Правда.

Они обе знали, что Мирна лжет.

– Это она? – спросила Мирна, и Клара, повернув голову, увидела приближающуюся Марианну Морроу.

Клара познакомилась с Марианной, когда сестра Питера вела богемный образ жизни в Кэбиджтауне – районе Торонто, где обитают художники. Она изображала из себя поэтессу и пыталась привлечь к себе внимание своих безразличных родителей. В качестве оружия она выбрала беспокойство.

Образ молодой женщины, в равных долях несдержанной и отчаявшейся, запечатлелся в мозгу Клары так прочно, что она и сегодня предполагала увидеть ту же Марианну. Ей понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что в волосах Марианны блестит седина и бывшая

поэтесса, пусть не утратившая богемного облика, превратилась в успешного дизайнера. У нее есть ребенок. И она единственная из родни Питера, кого Клара переваривает. Да и то с трудом.

Клара поднялась и представила Мирну, потом все трое сели. Марианна заказала мартини и посмотрела на невестку и ее подругу.

– А где Питер? – спросила она.

– Почему Дамфрис? – спросил Гамаш, отрываясь от своих распечаток. – Городок достаточно привлекательный, но почему Питер предпочел его Венеции?

Рейн-Мари опустила свою толстую книгу.

– Тут сплошной туман. Милый шотландский городок. Одно время – место обитания друидов, потом там появились римляне, потом шотландцы его отвоевали.

– Какие-нибудь известные художники там жили?

– Судя по тому, что я прочла, там вообще не было никаких знаменитых горожан.

Гамаш устроился поудобнее и глотнул пива, наблюдая за детьми на деревенском лугу. За друзьями и соседями, идущими по своим делам в этот теплый августовский день. За машинами, медленно едущими в деревню и из нее.

Потом он подался вперед:

– А что, если Питера привлек вовсе не Дамфрис? – Он потянул к себе книгу Рейн-Мари. – Возможно, город находится на пути к другому месту.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Клара.

– Вы с Питером всегда вместе, – сказала Марианна Морроу. – Я подумала, что он к нам сейчас присоединится.

У Клары упало сердце.

– Я приехала, чтобы задать тебе тот же вопрос.

Марианна посмотрела на Клару с недоумением:

– Ты хотела узнать у меня, где Питер? То есть ты этого не знаешь?

Мирну заинтересовали выражение ее лица и интонация. Марианна казалась озабоченной, по крайней мере внешне. Но за этим крылось что-то еще.

Возбуждение. Мирна немного отодвинулась от Марианны Морроу.

Томас с его расставленными ногами и покровительственной улыбкой хотя бы не пытался скрыть презрения. А Марианна скрывала. Только не презрение, подумала Мирна, а скорее что-то вроде голода.

Сестра Питера смотрела на Клару, как голодающий смотрит на изобильный шведский стол. Марианна жаждала дурных новостей, которые предлагала ей Клара.

– Он пропал, – сообщила Клара.

У Марианны заблестели глаза.

– Это ужасно.

– Когда ты видела его в последний раз? – спросила Клара.

Марианна задумалась:

– Он обедал с нами прошлой зимой, только не помню день.

– Ты его пригласила?

– Он явился без приглашения.

– Зачем?

– Зачем? – переспросила Марианна. – Затем, что я его сестра. И он хотел меня видеть.

Она сделала вид, что оскорблена, но все понимали: это игра.

– Нет, правда, – повторила Клара. – Зачем?

– Понятия не имею, – призналась Марианна Морроу. – Может, он хотел посмотреть, как поживает Бин.

– Бин? – Мирна не слышала этого имени прежде.

– Это... – Клара заколебалась, надеясь, что сидящая напротив нее женщина сама даст ответ.

Но Марианна Морроу молча улыбалась.

– Это ребенок Марианны, – закончила Клара.

– Вот как, – сказала Мирна, слегка озадаченная этой заминкой.

Марианна впиалась взглядом в Клару:

– А ты когда видела его в последний раз?

К удивлению Мирны, Клара не замедлила с ответом:

– Мы разошлись около года назад. Я его не видела и не слышала с прошлого лета. Это было что-то вроде пробного развода. Питер обещал вернуться через год.

Мирна пристально взглянула на подругу. И не обнаружила ни намека на то, как тяжело дались Кларе эти слова. Как трудно было ей подбирать их весь день. И всю ночь.

– Но он не вернулся. – Марианна все еще пыталась изображать озабоченность, но ее удовлетворение было слишком очевидным.

Мирна не понимала, с чего это Клару понесло.

– Только, пожалуйста, никому ни слова.

– Разумеется, – ответила Марианна. – Я знаю, что он заезжал в колледж искусств. Сам рассказал нам, когда приходил на обед.

– Он там учился, – напомнила Клара Мирне.

– Кажется, он еще заходил в какие-то галереи.

Марианна Морроу внезапно стала разговорчивой, и Мирна поняла, почему Клара открылась ей. Она подкармливала Марианну, набивала ей рот. А Марианна все съедала – тревоугодики на банкете дурных новостей. Объевшись, она становилась сонной, теряла осторожность. Выбалтывала информацию.

– У меня предложение. Приходите сегодня ко мне на обед.

Мирна увидела, как на губах Клары мелькнула улыбка, и прониклась еще большим уважением к подруге.

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался Арман, оторвавшись от книги по Шотландии.

Рейн-Мари отрицательно покачала головой и отложила распечатки. Они обменялись материалами, надеясь, что другой взглянет на них свежим глазом.

– А ты? – спросила она.

Он снял очки и протер глаза:

– Ничего. Но кое-что еще в перемещениях Питера вызывает у меня вопросы. – Гамаш придвинулся к столику. – Отсюда он почти сразу же улетел в Париж.

– Oui, – кивнула Рейн-Мари.

– И нашел себе жилье в пятнадцатом округе.

Теперь Рейн-Мари поняла, чем озадачен Арман:

– Не самое подходящее место для художника.

– Нам нужна подробная карта Парижа, – сказал он, вставая. – У нас дома она есть, но у Мирны тоже наверняка найдется.

Он вернулся через несколько минут со старой картой, старым путеводителем и старой поэтессой.

Рут уселась на стул Гамаша, ухватила его стакан с имбирным пивом одной рукой и остатки орешков – другой.

– В последний раз Питера видели в Квебек-Сити, – проворчала она. – И что же ищет Клузо?³⁴ Карту Парижа. Господи Иисусе. Сколько народу тебе пришлось отравить, чтобы пробиться в старшие инспекторы?

– Столько, что еще одного можно и не учитывать, – ответил он, и Рут фыркнула.

Поморщившись, она отодвинула стакан Гамаша и поманила к себе Оливье.

– Лекарство, – заказала она. – Алкогольное.

Рейн-Мари сообщила ей о том, какой округ в Париже выбрал Питер, на что Рут покачала головой:

– Он чокнулся. Да и кто бы не чокнулся, прожив столько лет с Кларой? Только не говорите ей.

Они втроем склонились над картой и путеводителем, выискивая в пятнадцатом округе что-нибудь такое, что могло привлечь Питера.

– Планируете путешествие? – спросил Габри. Он поставил на стол маленькую тарелку с маринованными огурчиками, холодным мясом и оливками и присоединился к ним. – Меня возьмете?

Узнав, чем они заняты, он поморщился:

– Пятнадцатый? Что же задумал Питер?

Двадцать минут спустя, ничуть не продвинувшись в поисках, они переглянулись.

Что было на уме у Питера?

– А это Бин, – сказала Марианна.

Перед Кларой и Мирной стояло создание лет двенадцати-тринадцати. В джинсах, свободной рубашке, с волосами до плеч.

– Привет, – сказала Мирна.

– Хай.

– Бин, ты помнишь тетю Клару?

– Конечно. Как поживает дядя Питер?

– Уехал в творческую поездку, – ответила Клара, чувствуя на себе пронизательный взгляд юного существа.

В этом ребенке было много очевидного: вежливость, спокойствие, ум. Наблюдательность.

Неясно было одно: мальчик Бин или девочка.

Осознав, что родители не желают ее замечать, что бы она ни делала, Марианна Морроу избрала другой путь. Ее супружество принесло плод. Плоду она дала имя Бин³⁵. А в довершение всего нанесла убийственный удар, не известив семейство о том, какого пола ее чадо. Марианна родила не только ребенка, но и биологическое оружие.

Клара предполагала, что через некоторое время все так или иначе обнаружится. Либо Марианна устанет от своей шарады, либо Бин сам/сама выдаст себя. Либо с возрастом пол неминуемо проявится.

Но ничего этого пока не случилось. Ребенок оставался бесполом, а Морроу пребывали в неведении.

Обедали они молча. Марианна явно очень скоро пожалела о приглашении. После обеда чадо Марианны повело гостей вверх показать цветовой круг³⁶ – дядя Питер научил делать.

– Ты интересуешься искусством? – спросила Мирна, поднимаясь по лестнице вслед за ребенком.

– Не так чтобы очень.

³⁴ *Жак Клузо* – старший инспектор полиции, главный герой серии комедий о «розовой пантере».

³⁵ *Фасолина* (англ.).

³⁶ *Цветовой круг* – способ представления цветов видимого спектра в форме круга, разделенного на сектора.

Дверь в спальню открылась, и Мирна удивленно подняла брови.

– Замечательно, – прошептала она Кларе.

Стены спальни не были завешены постерами с поп-идолами или хоккейными звездами, вместо этого к ним были приклеены картины. Возникло ощущение, будто в центре Торонто вдруг появилась неолитическая пещера.

– Мило, – сказала тетушка Клара, но Мирна бросила на нее предупреждающий взгляд – Что? – прошептала Клара. – Нормальная похвала.

– Ты и в самом деле хочешь похвалить это? – Мирна толстым пальцем ткнула в стену.

– Картинки – говно, – подал голос ребенок, усевшийся на кровать. – Но мне нравится.

Клара с трудом подавила улыбку. Именно такие чувства она испытывала к своим ранним работам. Она знала, что они говно. Но ей нравилось. Правда, больше никому, кроме нее.

Она снова обвела взглядом стены спальни. На сей раз без предубеждения. Решительно намереваясь найти что-нибудь хорошее среди этих творений.

Она переходила от одной картины к другой.

Приближалась. Отдалялась. Наклоняла голову в одну сторону, в другую.

Как бы она ни смотрела, они были ужасны.

– Вы не переживайте. Вовсе не обязательно, чтобы они вам нравились, – раздался голос с кровати. – Мне все равно.

Те же слова говорила юная Клара, видя вполне предсказуемое поведение людей, пытающихся выдать что-нибудь похвальное о ее ранних работах. Людей, чье мнение было для нее важно. Чьего одобрения она ждала. «Мне все равно», – говорила она.

Но ей было не все равно. И она подозревала, что Бин чувствует то же самое.

– У тебя есть любимая картина? – спросила тетушка Клара, отринув собственные чувства.

– Вон та.

Палец указал на открытую дверь. Тетушка Клара закрыла ее и обнаружила приклеенную к ней картину. Она была ужаснее остальных, если такое возможно. Если прочие творения принадлежали к эпохе неолита, картина на двери относилась к самому раннему этапу эволюции. У автора явно имелся хвост, а ходил он на всех четырех. Попадая костяшками пальцев в краску.

Питер, учивший чад своей сестры делать цветовой круг, оказался никудышным преподавателем. Этюды в спальне нарушали все правила искусства и большинство правил общепринятого этикета. От стен исходил дурной запах.

– И что тебе в ней нравится? – спросила Мирна голосом, сдавленным от сильных эмоций или от обеда в желудке.

– Вот это.

Указуя на картину, палец провел волнистую линию в воздухе. Клара поняла, что при закрытой двери Бин видит это творение, засыпая и просыпаясь.

Что же в нем такого особенного?

Она посмотрела на Мирну – ее подруга разглядывала картину. И улыбалась. Поначалу слабо, а потом все шире.

– Ты это видишь? – спросила Мирна.

Клара пригляделась к «шедевру». И тут что-то переключилось. Забавные красные загогулины оказались улыбающимися губами. Картина была наполнена улыбками.

Это не делало ее лучше. Но определенно делало забавнее.

Клара повернулась к Бин и увидела широкую улыбку на серьезном лице.

– Художественный ген явно не передается в этом семействе по наследству, – сказала Мирна, когда они сели в такси.

– Я бы отдала кучу денег, чтобы Питер увидел, к чему привели его уроки, – заявила Клара, и Мирна фыркнула от смеха.

– Чем вы сегодня занимались? – поинтересовалась Рейн-Мари у Анни и Жана Ги за обедом на террасе в заднем саду.

– Мы с Доминик прокатились верхом по лесу, – сказала Анни, поглощая салат из арбуза, мяты и сыра фета.

– А ты? – спросил Арман у Жана Ги. – Я точно знаю: ты бы ни за что не сел на лошадь.

– На лошадь? – переспросил Бовуар. – Доминик говорит, что это лошади, но по меньшей мере одна из них – лось.

Рейн-Мари рассмеялась. Ни одна из лошадей Доминик не годилась для конной выставки. С ними плохо обращались, их запустили и в конечном счете отправили на бойню. Доминик их спасла.

Кони смотрели такими глазами, будто знали, что их спасли в последнюю минуту.

Такой же вид иногда бывал у Анри в минуты задумчивости. И у Розы. То же выражение Рейн-Мари иногда читала в глазах у Жана Ги.

И у Армана.

Они знали. О том, что были на волосок от смерти. Но еще они знали, что их спасли.

– Мы с Марком поработали во дворе, – сообщил Жан Ги. – А вы чем отличились?

Гамаш и Рейн-Мари поведали о своих попытках понять, почему Питер уехал в Дамфрис.

– И почему поселился в пятнадцатом округе в Париже, – добавила Рейн-Мари.

– Папа, а что там? – спросила Анни.

Арман поднялся и минуту спустя принес из дома карту Парижа.

– Прошу прощения, – сказал он. – Мне тут нужно проверить кое-что.

Он разложил карту на столе.

– Что вы ищете? – спросил Жан Ги, присоединяясь к нему.

Гамаш надел очки и склонился над картой. Спустя несколько минут он выпрямился.

– Во время прогулки вы останавливались посмотреть, как живет отец Марка? – спросил Арман у дочери.

– На минутку, – ответила Анни. – Мы привезли ему кое-какие продукты. А что?

– Телефона у него по-прежнему нет?

– Нет. А что?

– Так, одна мысль. Он какое-то время жил в Париже, – сказал Гамаш.

– Он довольно долго там жил, после того как мать Марка его выгнала, – уточнила Анни.

– Мне нужно с ним поговорить. – Арман повернулся к Жану Ги. – Ты готов прыгнуть в седло?

Бовуар посмотрел на него испуганно:

– Сейчас? Вечером? На лошадях – или кто уж они там?

– Сейчас темновато, поедем с самого утра, – ответил Гамаш.

– А зачем? – спросила Анни. – Что может знать Винсент Жильбер об исчезновении Питера?

– Возможно, ничего, но я помню, мы с ним разговаривали о его жизни в Париже. Он мне показывал, где останавливался.

Гамаш ткнул пальцем в карту.

Пятнадцатый округ.

Глава одиннадцатая

С галереями Торонто им не повезло. Никто не помнил, чтобы Питер Морроу появлялся, и все пытались уговорить Клару выставляться. Те самые галереи, которые всего несколько лет назад издевательски отвергали работы Клары, теперь всячески ее соблазняли.

Клара не держала на них зла. Галеристы были слишком тяжелы на подъем, а она ушла далеко вперед. Для нее это было очевидно. Но она заметила и другое. Свою готовность давать авансы. Она с удовольствием воспринимала лестные слова и завлекающие улыбки этих запоздавших ухажеров.

– Он был здесь? – спросила Клара у владелицы последней галереи в ее списке.

– Нет, не припомню, – ответила женщина, а администратор подтвердил, что за последний год Питер Морроу не договаривался о встрече.

– Но он мог просто заглянуть, – не отступала Клара.

Она показала хозяйке галереи фотографию одной из лучших работ Питера.

– Ой, я его знаю, – сказала женщина.

– Он заходил к вам? – обрадовалась Клара.

– Нет, я имею в виду, что мне знакомы его работы. Давайте поговорим о ваших картинах...

На том разговор и закончился. Клара была вежлива, но поспешила распрощаться, прежде чем ее успели соблазнить. Впрочем, визитку владелицы она взяла. На всякий случай.

Колледж искусств был их последней остановкой перед посадкой на вечерний поезд. В этом колледже Клара и Питер познакомились почти тридцать лет назад.

– ККИПО... – сказал секретарь.

– Красный крест... – начала было Мирна.

– Колледж канадского искусства провинции Онтарио, – перебил ее секретарь.

Он дал им брошюрку и ввел имя Клары Морроу в список выпускников. Видимо, это имя ни о чем ему не говорило, отчего Клара, с одной стороны, испытала облегчение, а с другой – почувствовала раздражение.

– Питер Морроу? – Его секретарь помнил. – Да, он приезжал сюда несколько месяцев назад.

– Значит, он говорил с вами? – Клара подалась вперед. – И чего хотел?

Вообще-то, она хотела спросить: «Как он выглядел?» – но вовремя придержала язык.

– Ну, просто услышать новости. Он узнавал, кто из прежних преподавателей еще работает.

– И что, кто-то работает?

– Всего один. Пол Мэсси.

– Профессор Мэсси? Вы шутите. Ему, должно быть...

– Восемьдесят три. Все еще преподает, все еще пишет картины. Мистер Морроу очень хотел его увидеть.

– Профессор Мэсси преподавал концептуальное искусство, – объяснила Клара Мирне.

– И до сих пор преподает, – добавил секретарь. – «Перенос визуального мира на холст», – процитировал он наизусть из брошюры.

– Мэсси был одним из самых любимых преподавателей, – сказала Клара. – Он в колледже?

– Возможно. Сейчас летние каникулы, но он часто приходит в свою мастерскую, когда там тихо.

– Профессор Мэсси такой замечательный, – вспоминала Клара, пока они с Мирной быстро шагали по коридору. – Он был наставником многих молодых художников, включая Питера.

– И тебя тоже?

– Нет-нет. На меня махнули рукой, – со смехом ответила Клара. – Они толком не понимали, что со мной делать.

Они дошли до мастерской, и Мирна открыла дверь. Их встретил знакомый запах льяного семени, масляных красок и скипидара. И пожилой мужчина на табуретке. Его седые волосы над розовым лицом поредели. Несмотря на солидный возраст, он казался крепким. Художник, выросший на воле, на здоровом корме. Еще не выдворенный на пастбище.

– Да? – сказал он, поднимаясь.

– Профессор Мэсси?

На его лице появилось озадаченное выражение, но без тревоги или недовольства. Мирна подумала, что видит преподавателя, который по-настоящему любит своих учеников.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Клара Морроу. Насколько мне известно, мой муж был у вас...

– Питер, – произнес профессор. Он улыбнулся, шагнул ей навстречу и протянул руку. – Да. Как поживаете? Я следил за вашими успехами. Очень впечатляюще.

Мирне показалось, что он говорит искренне. Похоже, он от души радовался за Клару, ему приятно было ее видеть.

– Питер говорил вам обо мне? – спросила Клара.

– Я читал в газетах. Вы выдающийся художник. Ученик, который превзошел учителя. – Профессор Мэсси изучающим взглядом окинул Клару. – А все, наверное, потому, что мы никогда не были вашими учителями, да, Клара? Возможно, в этом вся суть. Вы не следовали нашим советам. Да и ничьим, собственно. – Он доверительно обратился к Мирне: – Нелегко иметь по-настоящему творческого ученика. Трудно оценить, а еще труднее подогнать под общий уровень. Но мы, к нашему стыду, пытались.

Он говорил с такой кротостью, с таким осознанием собственных малых возможностей, что Мирна почувствовала к нему симпатию.

– К сожалению, не могу припомнить ни одной вашей работы, – извинился он.

– Меня это не удивляет, – улыбнулась Клара. – Хотя они были широко представлены у нас в «Салоне отверженных».

– Там были ваши работы? – Профессор Мэсси печально покачал головой. – Нельзя так поступать с ранимыми молодыми людьми. Унизительно. Мне очень жаль. Мы приняли меры, чтобы такого больше не происходило. Мы с Питером тоже говорили об этом.

– Ну, я-то выжила, – возразила Клара.

– И расцвели. Проходите, садитесь.

Не дожидаясь ответа, профессор Мэсси прошел по мастерской и показал на несколько протертых стульев и диван, середина которого просела до бетонного пола.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – Он направился к холодильнику.

– У вас он всегда был набит пивом, – вспомнила Клара, идя за ним. – По пятницам после занятий мы устраивали вечеринки в вашей мастерской.

– Да. Теперь такого нет. Новая администрация. Новые правила. Лимонад?

Он предложил им пиво.

Клара рассмеялась и взяла банку.

– Вообще-то, я бы предпочла лимонад, если у вас есть, – сказала Мирна, у которой пересохло в горле после утренних походов по галереям исстрадавшегося от жары Торонто.

Профессор Мэсси протянул ей банку и повернулся к Кларе:

– Чем могу быть вам полезен?

– О, тем же самым, что и Питеру, – ответила она, садясь на диван.

Ее колени немедленно подпрыгнули до уровня плеч, а на джинсы брызнула пивная пенка.

Она должна была предвидеть это. Ведь на этом же диване они сидели студентами тысячу лет назад.

Профессор Мэсси предложил Мирне стул, но она предпочла побродить по мастерской и посмотреть полотна. Интересно, все ли они принадлежали кисти профессора? Они показались ей хорошими, но Мирна приобрела одну из «Воинственных маток» Клары, а потому ее вряд ли можно было назвать знатоком искусства.

– В общем, мы с Питером говорили главным образом о других студентах и других факультетах. Он спрашивал про некоторых своих любимых учителей. Многих из них уже нет. Умерли. Некоторые впали в старческий маразм, как бедный профессор Норман, хотя вряд ли он был у кого-то любимым преподавателем. Я предпочитаю думать, что причина в парях красок, но, по моему, мы все знаем, что он пришел сюда уже не в своем уме, а работа здесь не улучшила его мыслительные способности. Что касается меня, то у меня умственных болезней не выявили, потому что карьеру я сделал довольно среднюю и всегда соглашался с администрацией.

Он рассмеялся, потом замолчал. Наступившая пауза имела какое-то значение, и это заставило Мирну оторвать взгляд от чистого холста на мольберте и посмотреть на учителя и ученицу.

– Так что же привело вас сюда? – спросил профессор Мэсси мягким тихим голосом.

Его голубые глаза смотрели на Клару, будто обволакивая ее пеленой. Прикрывая щитом. За которым ей не грозили никакие опасности. И Мирна поняла, почему профессор Мэсси был любимым преподавателем Клары. И почему его будут помнить за вещи гораздо более важные, чем «перенос визуального мира на холст».

– Питер пропал, – сказала Клара.

Их прогулка по лесу о чем-то напомнила Жану Ги. Навеяла какой-то старый образ.

Гамаш ехал впереди на лошади, которая, как они подозревали, вовсе не была лошастью. Последние пятнадцать минут Бовуар то и дело подныривал под ветки, хлеставшие его по лицу в тот самый миг, когда Гамаш кричал ему «Берегись!».

В те промежутки, когда природа не давала ему пощечин, Бовуар видел перед собой только покачивающийся круп Буллвинкля³⁷.

Ему вовсе не нравилось ехать верхом. К счастью для Бовуара, он этого и не ждал.

– Уже видно? – крикнул Бовуар, наверное, в десятый раз за четверть часа.

– Наслаждайся пейзажем и расслабься, – раздался терпеливый ответ. – Рано или поздно мы доберемся до места.

– Я вижу только задницу вашей лошади, – сказал Жан Ги и, когда Гамаш повернулся к нему с шутливым неодобрением, добавил: – Сэр.

Бовуар покачивался в седле и не желал признавать, что езда начинает доставлять ему удовольствие. Впрочем, «удовольствие» – это слишком сильно сказано. Неторопливые мерные шаги осторожного животного подбадривали, успокаивали. Жану Ги это напоминало раскачивание монахов во время молитвы. Или движения матери, баюкающей плачущее дитя.

В лесу стояла тишина, нарушаемая только стуком копыт и щебетом спугнутых птиц. Чем дальше, тем тише, тем зеленее становилось в лесу.

Сердечная чакра. Когда-то ему рассказала о ней одна из жительниц деревни, владелица йога-центра.

«Цвет сердечной чакры – зеленый», – утверждала она, словно это был непререкаемый факт.

³⁷ Лось Буллвинкль – персонаж мультипликационного телесериала, выходившего в 1959–1964 гг.

Тогда Бовуар отмахнулся от ее слов. Да и сейчас бы отмахнулся, если бы у него спросили под запись, на публике. Но в глубине души, среди этой темной зелени, он начал сомневаться.

Впереди он видел Гамаша, покачивающегося на странном существе. Из седельной сумки торчала карта Парижа.

– Лувр уже виден? – спросил Жан Ги.

– Помолчи, глупец, – ответил Гамаш, даже не поворачиваясь. – Ты прекрасно знаешь, что мы его уже проехали. Мы ищем Эйфелеву башню, а за ней – пятнадцатый округ.

– *Oui, oui, zut alors*³⁸, – проговорил Бовуар, издав преувеличенно гнусавый смешок.

Шеф тоже рассмеялся:

– Вот оно. – Он махнул рукой, указывая вперед.

И тут Бовуара осенило: он понял, что все это напоминает ему изображение Дон-Кихота на иллюстрации в книге.

Гамаш показывал на грубо сколоченную лесную хижину, в которой жил очень грубый человек.

– Копья наперевес и атакуем? – спросил Бовуар и услышал в ответ тихий, легко узнаваемый смешок шефа.

– Вперед, Санчо, – велел он. – Мир ждет от нас немедленных действий.

И Жан Ги Бовуар последовал за своим Дон-Кихотом.

Профессор Мэсси слушал не прерывая, не реагируя. Просто кивал время от времени, пока Клара рассказывала ему о Питере. О его карьере, его искусстве, об их совместной жизни.

Наконец все, что можно, было сказано.

Профессор сделал долгий, бесконечно долгий вдох и на миг задержал дыхание, не сводя глаз с Клары. Потом выдохнул.

– Питер – счастливчик, – сказал он. – Но в одном отношении ему не повезло. Он, похоже, не знает о своем везении.

Мирна села на табуретку у мольберта. Профессор был прав. Она давно знала это про Питера Морроу. Его жизнь была полна: счастливая судьба, здоровье, творчество, друзья. Он жил в безопасности, неприкосновенности. С любящей женщиной. И лишь одно небольшое несчастье имелось в жизни Питера Морроу: он понятия не имел, насколько он счастлив.

Профессор Мэсси протянул руки, и Клара вложила в них свои, почти такие же большие.

– Я полон надежды, – сказал он. – И знаете почему?

Клара покачала головой. То же сделала и Мирна, зачарованная тихим уверенным голосом.

– Он женился на вас. Он мог бы выбрать любую из ярких, привлекательных, успешных студенток. – Профессор Мэсси посмотрел на Мирну. – Питер был настоящей звездой. Очень талантливый студент. Когда речь идет о нашем колледже, подразумевается не только искусство, но еще и апломб. Здесь полно злобных ребят в черном. Включая Питера. И только одно исключение...

Он резко, немного театрально повернул голову к Кларе, которая затирала пиво на джинсах.

– Насколько я помню, Питер пользовался успехом у девушек, – сказал Мэсси. – Но в конечном счете он увлекся не одаренной студенткой с претензиями, а внешне бесталанной маргиналкой.

– По-моему, это оскорбление, – со смехом ответила Клара. Она повернулась к Мирне. – Ты его тогда не знала. Он был такой красавец. Высокий, с длинными кудрями. Словно ожившая греческая скульптура.

³⁸ Ну тогда конечно (*фр.*).

- И как же ты его покорила? – спросила Мирна. – Пустила в ход женское коварство? Клара рассмеялась и взбила свой воображаемый начес:
- Да, я была такая стерва. Не оставила ему ни единого шанса.
- Нет, правда... – Мирна встала с табуретки и подошла к Кларе. – Как вы сошлись?
- Честно тебе скажу: я понятия не имею, – ответила Клара.
- Зато я знаю, – вставил профессор Мэсси. – Апломб через какое-то время начинает утомлять. Наскучивает. Он предсказуем. Вы были свежей, непохожей на других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.